

Польско-шведская войны 1621-1622 и 1626-1629 годов: армии противников

«Все государства ведут войны, потому что они для этого достаточно богаты. Швеция воюет потому, что она бедна...»

Юхан Адлер Сальвиус,
шведский дипломат, королевский секретарь и военный писатель

«Армию Речи Посполитой того времени можно сравнить с бегуном на короткие дистанции. Армию Швеции — с бегуном на длинные...»

Радослав Сикора,
польский историк

Вступление

Незаслуженно забытое в истории столкновение двух европейских прибалтийских держав с двумя столь различными военными системами, о котором мы повествовали в предыдущих номерах «Рейтара», интересно еще и тем, что явилось первой боевой школой, своего рода учебным полигоном, успешной репетицией новообразованной армии Густава II Адольфа перед ее вступлением в большую Тридцатилетнюю войну в Германии. И в то же время прологом к грядущему закату непобедимого доселе войска Речи Посполитой.

Именно в ходе данной Второй польско-шведской войны, проходившей в Пруссии и Лифляндии, были апробированы многие тактические новации короля-полководца, создателя образца для армий последующих эпох и отца стратегии «тотальной войны». Там получили боевой опыт его полки и эскадроны, солдаты и офицеры, сформировалась плеяда соратников-полководцев, приняла боевое крещение та армия нового типа, что вскоре до основания потрясет Священную Римскую империю.

Не менее интересна и характеристика многочисленных и разнообразных по своему составу польско-литовских вооруженных сил Речи Посполитой. В описываемый период они находились в состоянии затянувшейся эволюции от эпохи Средневековья к эпохе Нового времени, проходившей в длительном 30-летнем соперничестве с молодым северным хищником, стремившимся в войнах 1600 — 1611, 1617, 1621-1622, 1625, 1626-1629 годов вытеснить шляхетскую республику с почетного места великой державы и с берегов Балтики, а также не дать польскому королю Сигизмунду вернуть себе трон Швеции. Поражения и не столь частые победы коронных и литовских войск есть следствие как сильных, так и слабых сторон их устройства, тактики, военного искусства и вооружения.

В намерении дать беглый журнальный очерк воюющих армий данной войны автор также хотел бы обратить внимание просвещенного читателя на некоторые застарелые заблуждения или неточности, попадающиеся в отечественных и зарубежных трудах по теме польско-шведских войн XVII века.

Шведская армия

Военная реформа Густава Адольфа

Вступивший на престол в 1611 году молодой король Густав II Адольф Ваза одной из первоочередных задач своего правления считал реформирование вооруженных сил государства по самым современным европейским образцам, что позволило бы ему осуществить широко простирающиеся экспансионистские планы в Прибалтике и Германии.

В те времена самой передовой армией Европы была голландская. Ведомое великим реформатором военного дела штатгальтером Нидерландских Соединенных Провинций Морицем Оранским войско маленькой страны, организованное на новый лад, разгромившее

огромные терции могущественной Испании при Ньивпорте в 1600 году, дало образец всем европейским армиям.

Еще юным принцем Густав Адольф благодаря своему наставнику Йохану Скейту, приглашенного для его обучения из Нидерландских провинций, стал поклонником их государственного устройства и военной системы. Труды голландских и германских военных теоретиков, как и

работы античных авторов, были его настольными книгами, он находился в постоянной переписке с голландскими штатгальтерами и командующими, получая их советы и консультации. Однако король-реформатор воспринял голландскую систему скорее в ее северогерманском протестантском развитии.

В 1620-1621 годах он инкогнито, под псевдонимом «капитан Гарс» (аббревиатура королевского титула «Gustavus Adolfus Rex Sueciae») посетил ряд германских дворов, в том числе княжество Нассау. Его правитель, князь Иоганн Нассау-Зиген, родной брат и сподвижник штатгальтеры Нидерландов Морица Оранского, сформировал свою армию, развив принципы голландской системы, идущие от уставов армии Древнего Рима. В городе Зиген он основал первую в Европе военную академию, возглавил которую Якоб фон Вальхаузен, автор фундаментальных трудов по военному искусству пехоты, кавалерии и артиллерии (1616-1618) а также труда о милиционной армии обороны отечества (1621). Именно его король Карл в свое время приглашал для реформирования своей армии, каковое не имело удачного завершения - литовская конница Ходкевича полностью уничтожила шведское войско в битве при Кирхгольме в сентябре 1605 года.

Общение со светилами военной мысли и знакомство с армиями германских государств многое дало Густаву Адольфу, который по возвращении в Швецию издал свой первый дисциплинарный устав «Военный артикул» (на его основе в 1716 году будет написан Устав Петра Великого.)

Впоследствии король пишет также еще ряд уставов, в том числе о смотрах, расквартировании войск и устройстве лагеря и обоза, вскоре также заимствованных армиями соседних государств.

Началась реформа армии с введения новой системы ее комплектования. В конце XVI - начале XVII века система комплектования армий шведских королей была довольно сложной. Вооруженные силы в военный период составлялись в основном за счет иностранных наемников, чаще немецких, а также шотландских и французских. В меньшей степени - за счет рекрутских наборов, вербовки шведских подданных, рейтарской повинности (конной службы) землевладельцев и свободных крестьян, владельцев мыз, выставлявших кавалеристов за освобождение от налогов, привлечения на службу за надел, формирования милиционных полков провинций, дворянских и крестьянских ополчений на период войны. В мирное время армия резко сокращалась.

Все эти источники пополнения в той или иной мере имели место и в описываемый период. Безусловно, король брал в пример прежде всего передовые военные системы Голландии и протестантских государств Германии, где на смену армиям ландскнехтов пришли национальные армии «обороны Отечества.» Однако не отвергал он полностью и существовавшие шведские военные традиции, используя опыт предшественников – прадеда Густава I Вазы, дяди Эрика XIV и отца, который первым попытался перестроить шведскую армию на голландский манер. Новое всегда зиждется на старом.

В начале 20-х годов молодой король, исходя из недавних столкновений и дальнейших перспектив войн с могучими и богатыми соперниками - Московским государством, Речью Посполитой, а также Габсбургской Лигой, способных быстро собирать огромные армии численностью более 100 тысяч конницы и пехоты, решил на создание массовых постоянных вооруженных сил на основе всеобщей воинской повинности. Учитывая исходные условия, задача была непростой — армия нового типа должна была стоить огромных денег.

В это время в бедном и малонаселенном королевстве насчитывалось всего около 1,3

миллиона подданных, из них около 900 тысяч шведов и около 400 тысяч эстляндцев, финнов, карел и лапландцев, а столица государства Стокгольм имела всего лишь до 10 тысяч жителей. Для сравнения: в Речи Посполитой насчитывалось тогда до 9 миллионов жителей, из них в Литве 3,5 миллиона, в столичных Варшаве (с 1618 года) 20 тысяч и в Кракове - 40 тысяч, в Данциге 44 тысячи, во всем Московском государстве - около 12,5 миллионов, из них в Москве более 100 тысяч. Годовой бюджет Швеции составлял всего лишь до 1,6 миллиона риксдалеров (риксдалер был примерно равен ходящему в Германии и Речи Посполитой серебряному талеру достоинством более 25 грамм серебра.) Не только государства-соседи, но и отдельные польско-литовские магнаты и ганзейские города были куда богаче.

Страна не могла нанимать более 14 тысяч солдат, поэтому король, исповедовавший принцип просвещенного абсолютизма, пользуясь наличием в стране сильной центральной власти, переложил бремя реформы на плечи своих подданных, чему не посмели возражать послушные ему риксдаг, провинции и сословия.

Происходил набор следующим образом. В 1620 году Густав Адольф издал «Ордонанс о военнотружущих», по которому вся Швеция вместе с Финляндией охватывались всеобщей рекрутской повинностью. Королевство делилось на восемь призывных округов, - шесть в Швеции (лены Норрланд, Уппланд, Седерманланд, Остерготланд, Вестерготланд, Смоланд), и два в Финляндии (лены Нюланд-Эстерботтен и Тавастланд-Саволак-Карелия).

Все мужское дееспособное население от 15 до 50 лет лет переписывалось в приходах и делилось на десятки. (реже на двадцатки). Каждые десять -двадцать человек выбирали, снаряжали за свой счет и выставляли в местный ландтаг для приема армейскими представителями годного к службе солдата или матроса. Чаще всего сдавали самого молодого, неимущего и безответного, не имевшего доли в наследстве родителя, или бобыля, батрака или сироту, либо маргинала, от которого общество хотело бы избавиться. Округ выставлял пехотный «земельный» полк -«landsregemente» численностью до 3 600 человек по главе с «ландполковником».

В сравнительно краткий срок, с 1621 по 1625 годы, было поставлено под ружье более 30 тысяч человек. Само собой, набор не был единовременным и повторялся неоднократно. Во время польско-шведской войны ежегодно набиралось по 10 тысяч человек, а в 1627 году — даже 13,5 тысяч, 2 % от мужского населения королевства. В строй ставили даже юношей 15-17 лет.

С 1623 года шведским провинциям пришлось таким же образом выставлять своему королю и кавалерийские полки, а затем и артиллеристов.

Набор, несмотря на народное недовольство, прошел согласно плану. Впрочем, отдельные волнения случались, а кое-где даже был пущен по стране передаваемый всадниками от хутора к хутору так называемый «штафет»(stafett), деревянная резная табличка, которая по древнему тайному крестьянскому обычаю означала призыв и сигнал к всеобщему восстанию — нечто вроде казачьего «сполоха». При этом крестьянин, выбрасывавший или уничтожавший штафет, тем самым обрывал цепочку связи и не давал восстанию разгораться далее, почему, видимо, данная военная реформа и претворилась в жизнь.

Рекрутчина легла тяжким грузом на города и деревни, из которых выкачивали людские и материальные ресурсы, нужные королю, в свою очередь, для завоевания и разорения чужих земель. По данным шведского ученого Линдгрена, из прихода Бигде в лене Норрботтен, где в 1620 году проживало около 500 мужчин и 600 женщин в возрасте от 15 до 59 лет, на протяжении 1620-1638 годов было взято в армию 230 мужчин, а вернулось домой всего 20 инвалидов. В 1638 году в Бигде проживало уже 365 мужчин и 665 женщин. Если условно проецировать эти цифры на всю страну, то за двадцать лет непрерывных войн общее население Швеции вообще могло не вырасти, а активное мужское население даже сократиться почти на 30%.

При этом нужно отметить, что фактически в сражениях довелось принять участие лишь

весьма малому числу рекрутов. Подавляющая часть потерь была небоевой, от болезней, голода и тяжелых условий службы. В отдельные периоды гарнизонные полки теряли до 50 % и даже 75% людей в год, так что многие жертвы шведского народа на алтарь войны оказались напрасны.

Постоянная армия потребовала огромных финансовых расходов. Их обеспечивали таможенные пошлины в захваченных балтийских портах, доходы от экспорта железа, меди, леса и оружия, торговля королевскими имениями, правами и привилегиями, наконец, финансовая помощь и займы дружественных Голландии, Франции и России. Бюджет страны вырос в 1631 году до 3,1 миллионов талеров, не считая доходов от поступления французских субсидий и поставляемого с 1628 года по льготным ценам русского хлеба, который Швеция перепродавала в Голландию в пятнадцать раз дороже. В 1629 году правительство принудительно скупило весь лифляндский урожай хлеба по назначенной им заниженной цене и продало его тем же голландцам по спекулятивным ценам. В 1628 году были введены медные деньги.

В дальнейшем, по мере расширения шведской экспансии, увеличению численности армии и восполнению потерь способствовали также освоение людских и материальных ресурсов оккупированных Лифляндии и Пруссии. Контрибуции с богатых торговых городов составляли миллионы злотых (с одного Эльбинга шведы в 1626 году выкачали больше, чем королевская казна Польши выделила на военные расходы в этом году. Военная машина Густава Адольфа, как впоследствии военные машины Чингисхана, Карла XII, Наполеона и Гитлера, в своем завоевательном движении заправлялась «топливом», выкачанным из захваченных стран и земель. Войну стала кормить сама война.

Это касалось и людских ресурсов. Если в 1626 году, к началу вторжения в Пруссию, из 14 тысяч войска три четверти составляли шведы и финны, а остальные были иностранными наемниками, в 1630 году, к началу вторжения в Германию, иноземцы составляли уже половину 72-тысячной армии. В 1632 году, ко времени битвы при Лютцене, из 140-тысячной армии Густава Адольфа по-шведски и по-фински говорили не более 13 тысяч, а в 1648 году, к концу Тридцатилетней войны, численность этнических шведов и финнов в шведской армии не превышала и 1 000 человек.

Национальная пехота

Густав Адольф создал стройную и гибкую систему организации частей постоянной профессиональной армии и ввел соответствующие им постоянные воинские звания. Бригадой из двух-трех полков или трех-пяти эскадронов командовал генерал или полковник, полком из двух эскадронов — полковник, его заместителем был подполковник, командовавший одним эскадроном, другим командовал майор. Ротой командовал капитан или ротмистр, его заместителем был лейтенант, они же вели два взвода (корнета), третий вел кандидат на офицерский чин - прапорщик (фенрих, корнет), капралы вели капральства.

Главной фигурой, царем и богом, отцом-командиром и хозяином средств на вербовку и жалование своим подчиненным становится полковник. Система полковой собственности становится выгодной, - командир выплачивал стоимость амуниции, а при выходе из армии офицер мог ее продать.

Округа, как правило, выставляли в результате набора пешие «земельные» полки мирного времени (landsregemente) по 3 600 человек, которые затем, после сколачивания и обучения, в 1625 году были разделены на лучшим образом управляемые три «полевых» полка (faltregemente) численностью по 1200 человек 8-ротного состава из двух эскадронов (батальонов) по 600 человек, по четыре роты по 150 человек. Отдельные «земельные» полки делились на два пехотных и один кавалерийский (landsryttare) со своим штатом.

Два полевых полка, как правило, направлялись на театры военных действий, один обычно оставался в метрополии в качестве резерва и на случай иноземного вторжения или мятежей.

Штат полков выдерживался редко: фактически в нем насчитывалось 1008 рядовых и 128 офицеров, 432 пикинера и 576 мушкетеров, в роте — 126 рядовых и 16 офицеров, 54 пикинера и 72 мушкетера.

По штату командный и нестроевой состав пехотного полка 1625 года включал полковника, подполковника, майора, 5 капитанов, 8 лейтенантов, квартирмейстера, 2-4 священников, один из которых обслуживал офицеров, казначея, 4 цирюльников (хирургов), 4 профосов и палача, полкового писаря, судебного писаря, судебного пристава и 4 гуртовщиков и мясников. При полку находились также кузнецы, оружейники, сапожники, офицерские слуги и обозники (до 200 человек)

Основным тактическим соединением был эскадрон из четырех рот. Пехотная рота, в которой Густав Адольф сократил количество людей с 272 до 150, а число шеренг с 8-10 до 6, включала капитана, лейтенанта, фенриха (прапорщика), фельдфебеля, сержанта, фурьера (подпрапорщика), 6 капралов, 144 рядовых, двух барабанщиков и флейтиста. В роте насчитывалось шесть дивизионов, - четыре мушкетерских по 24 человека и два пикинерных, по 18 человек, во главе с капралами.

В боевом строю капитан стоял впереди правого блока мушкетеров, лейтенант - левого блока мушкетеров, знаменосец впереди центрального блока пикинеров, по два капрала - впереди блоков, сержанты держали фланги, барабанщики находились в промежутках, фурьеры - позади пикинеров и левофланговых мушкетеров, каптенармус - позади правофланговых мушкетеров.

Лучшая, отборная рота называлась «рота полковника» или «лейб-рота», прочие - «рота подполковника», «рота майора», «рота первого капитана» (в них также служили лучшие солдаты). Остальные четыре роты, командовали которыми капитаны, носили имена тех городов и уездов, где формировались — например рота Хагунда, рота Сигтуна. Формирования из земляков (а порой и соседей) способствовали усилению солдатской спайки.

В то же время с усилением национальной компоненты рядового состава, что все историки эпохи Густава Адольфа расценивают как положительный момент, командный состав оставался в значительной мере иностранным, хотя правительство старалось всячески привлекать на службу и шведских дворян - содержанием, привилегиями, высоким статусом, именами в завоеванных землях.

Резкое увеличение армии при нехватке своих опытных офицеров потребовало увеличения найма иностранных специалистов, — немцев, шотландцев, англичан, ирландцев, голландцев, датчан, лифляндцев, французов-гугенотов, всех тех «солдат удачи, «диких гусей», что кочевали по европейским армиям от Мадрида до Москвы от одного к другому покупателю их шпаги и воинского мастерства. Добрую половину офицеров составляли иноземцы. Встречались даже русские, выходцы из ижорских дворян, перешедших после Столбовского мира 1617 года в подданство шведской короны (Розладины, Карнизины, Аминовы, Опалевы, Барановы, Пересветовы и др.) Немногочисленную православную часть лютеранского в целом воинства составляли солдаты-карелы из аннексированного у России Кексгольмского лена (Корельского уезда).

Голландцы, фламандцы и немцы ценились в Швеции как мастера артиллерийского и инженерного дела, оружейники, литейщики, судоводители, причем выходцы из германских государств - как военные специалисты всех родов войск. Французы-гугеноты привнесли в шведскую армию драгун как род кавалерии. Наемники-шотландцы, а также не менее воинственные англичане и ирландцы, выступали главным образом как пехота, - в силу национальных военных традиций, а также потому, что наем кавалеристов в Британии был невозможен по причине запрета на вывоз из острова лошадей. Шотландские офицеры вообще составляли значительную часть командного состава пехоты, шестеро из них вышли в генералы, тридцать в полковники, Александр Лесли в фельдмаршалы, а Роберт Скотт — в генерал-квартирмейстеры. В Германии и Богемии нанимались как отдельные офицеры, так и целые пешие и конные полки, и в армии немецкий язык был вторым после шведского.

Всего в 1624-1627 годах было сформировано 24 «полевых» полка, в том числе 16 шведских и 8 финских, носивших имена провинций и городов королевства.

Шведские полки: Уппландский, Смоландский Дэвида Драммонда, Скараборгский, Кальмарский Томаса Мьючемпа и Дэвида Драммонда, Седерманландский Эрика Риннинга, Вестгот-Дальский Джорджа Каннингхэма, Йорана Кенига и Вильгельма фон Зальцбурга, Нерке-Вермландский Александра Лесли, Крунубергский Патрика Рутвена и Томаса Мьючемпа, Осготский Юхана Банера, Енчепингский Ларса Когга, Вестманландский Бенгта Багге, Вестерботтенский Акселя Дюваля (Макдугала), Норрландский Фрица Розладина, Хельсингландский Фрица Сетона и Леннарта Торстенссона, Эльвсборгский Бенгта Пилефельда, Дальский (Даларнский) Оке Оксиеншерны.

Финские полки: Финляндский Кристофера Ассарссона и Карельский Генриха Флеминга, переформированные в 1625 году в полки Саволакский Густава Горна, Эстерботтенский Александра фон Эссена, Бьернеборгский Арвида Горна, Выборгский Германа Врангеля, Абоский Эрнста Кройца, Тавастгусско-Нюландский Кристофера Ассарссона и полк Самуэля Коброна.

В ходе войны в Лифляндии, Эстляндии и Финляндии в 1626-1629 годах были сформированы также отдельные финские пехотные эскадроны (батальоны) Хенрика Бюрта, Хеннинга Грасса, Оке Ханссона, Клауса Хастфера, Якоба Скотта, Райнхольда Врангеля.

Шведские полки Густав Адольф и фельдмаршал Врангель задействовали в сражениях войны 1626-1629 годов относительно редко, например, в битве при Меве (Гнев), и то на третьих ролях, - видимо, из-за сравнительно худшего боевого качества. Их предпочитали держать в качестве гарнизонов прусских и лифляндских крепостей, - при том, что шведская стратегия была в целом оборонительной, а серьезных баталлий случалось одна-две в год.

Некоторые «фальтрегименты» считались ненадежными, так как при взятии даточных из их провинций поднимались возмущения (например, в Смоланде). Поэтому при ротации частей в зимний период, когда война замирала, заключалось перемирие и часть войск отправляли из Пруссии в Швецию на отдых и формирование, от таких полков старались избавиться.

Попав в руки хороших командиров и пройдя школу армейской муштры, многие шведские полки показывали себя весьма неплохо, как, например, Осготский полк будущего фельдмаршала Юхана Банера (сражения при Меве и Диршау), Кальмарский и Крунубергский полки Томаса Мьючемпа, Хельсингландский Фрица Сетона и будущего фельдмаршала Леннарта Торстенссона, некоторые другие. В важные сражения зачастую отбирались лучшие эскадроны лучших шведских пеших полков и даже сводные отряды из лучших рот разных полков.

Численность шведских «фальтрегиментов» на протяжении войны оставалась на одном уровне, - 13-14 в Пруссии и 1-2 в Лифляндии.

Очень хорошо показала себя в сражениях финская пехота – особенно Бьернеборгский полк Арвида Горна и Юхана Лилиехука, Эстерботтенский полк Александра фон Эссена в Пруссии, а также Выборгский Ханса Врангеля, Нюландско-Тавастгусский Эрнста Кройца, Абоский Кристофера Ассарссона и Антона Юргенрейха, Саволакский Густава Горна в Лифляндии. Финские части король Густав, фельдмаршал Врангель и командующий Балтийской армией генерал-лейтенант Густав Горн задействовали довольно часто, и не было битвы, где бы они не отличались.

Иноземная пехота

Несмотря на преобладание в армии национальной компоненты, главную роль в кампании в Пруссии играли все-таки так называемые «цветные» полки, набранные в 1621 году известным полководцем генералом графом Мансфельдом из солдат-протестантов Северной Германии.

Пешую гвардию составлял «лучший в армии Желтый» полк (hovregemente) графа

Франца-Бернгарда фон Турна (позднее Максимилиана Тойффеля), набранный по поручению короля в Германии генералом графом Мансфельдом из опытных ветеранов. Он заменил собой прежний «хофрегент», учрежденный в 1613 году и последовательно носивший названия «полк лейб-гвардии», «полк Его Величества», «полк драбантов», «старый дворцовый полк».

В протестантской Северной Германии и Датских владениях были набраны графом Мансфельдом также полки: «Синий» Ханса-Георга фон Арним-Бойценбурга, Максимилиана Тойффеля, Иоганна Ройтера и Ханса фон дер Нота, «Красный» Сигизмунда фон Платона и Эрнхарда Эрнройтера фон Хофрайта. «Зеленый» полк Ханса Каспара фон Клитцинга был составлен из плененных в 1627 году солдат курфюрста Бранденбургского, отправленных им на помощь полякам. «Цветные» полки назывались так по цвету знамен, плащей, казакинов и кафтанов. В Лифляндии действовал немецкий вербованный полк Мельхиора Вурмбрандта.

Традиционным местом найма солдат была Шотландия, с которой у Швеции всегда были традиционно дружественные отношения, а также Англия (шведским послом там был известный дипломат и сподвижник Густава Адольфа шотландец Джеймс Спенс.) В начале войны в шведской армии имелись два шотландских полка - Джеймса Спенса-младшего (Лифляндия) и Джеймса Рамзая (Пруссия), в 1628 году из Дании прибыл в Пруссию полк Александра Лесли. В 1629 году в армию пополнили шотландские полки Джона Каннингхэма, Джона Мельдрама, Александра Гамильтона, Дональда Маккея, лорда Рея, а также английский полк графа Джона Кроуфорда. За годы Тридцатилетней войны в шведскую армию поступили десятки тысяч шотландцев.

Много было в пехоте лифляндцев и курляндцев. Полки гарнизона Риги, в том числе полк Самуэля Коброна, в значительной степени состоял из местных жителей.

В иноземных вербованных пеших полках число рот в доходило до 10, двенадцати и даже шестнадцати. Наемники, особенно «хофрегент», «цветные» полки, отличались хорошими боевыми качествами и в полном или половинном составе принимали участие во всех важнейших сражениях в Пруссии. Шотландские полки участвовали лишь в походе на Грауденц и Страсбург и одним эскадроном – в битве при Гуржно. Однако в случае неплатежей, голода и лишений (как, например, в Страсбургском походе осенью 1628 года), иноземцы зачастую становились ненадежны, дезертировали или переходили к противнику.

В апреле 1627 года набранный шведами в Северной Германии 2,5-тысячный отряд, окруженный силами гетмана Конецпольского в Хаммерштейне (Западная Пруссия), капитулировал и перешел на польскую службу. Шведские части из немцев также часто принимали в свой состав после боя пленных соплеменников-лютеран.

Национальная кавалерия

С 1623 года провинции обязывались также собирать рейтарские и кирасирские полки численностью по 300 – 400 всадников из двух эскадронов по 175 человек каждый. Набраны были Седерманландский, Смоландский, Уппландский, Вестманландский, Остготский, Вестготский полки и Эландская рота. В Швеции отчасти вербовались рота лейб-драбантов и королевская кирасирская лейб-рота, где один корнет был финским.

Основную часть рейтарской кавалерии составляла конница, набранная по рейтарской повинности мыз согласно установлению XVI века: «Служащий королю на коне повинностей не несет». Шведские и финские крестьяне, владельцы и арендаторы мыз, выставляли от своего хозяйства или нескольких объединившихся для этой цели хозяйств полностью вооруженного конного рейтара, как правило, из числа младших сыновей, не имевших доли в наследстве, или наемников, или специально воспитываемых для этой цели сирот. За это крестьянам предоставлялось освобождение от налогов и многочисленных государственных повинностей, в том числе рекрутской, на время службы рейтара. В случае его гибели, инвалидности или дезертирства выставлялся новый человек, взамен павших лошадей и утраченных предметов амуниции приобретались новые.

Данная повинность, несмотря на все связанные с ней расходы, считалась у крестьян хорошей альтернативой государственному тяглу. Поместье, выставившее всадника, не могло быть пожаловано дворянину. Более того, поставка королю конников могла вывести зажиточного крестьянина в разряд низшего служилого сословия «фрельзов», а отличившийся в сражениях и службе крестьянский сын мог получить унтер-офицерский чин и даже рыцарские шпоры. Охотно шли в кавалерию и сыновья дворян. Волонтер-дворянин, успешно отбыв кандидатский стаж юнкером и фенрихом (корнетом), далее нес службу офицером.

Поэтому шведско-финские рейтары и кирасиры как своего рода «волонтеры» в отличие от принудительно взятых пехотинцев имели лучший боевой дух, свой особый кавалерийский менталитет и гонор.

В меньшей степени кавалеристов и пехотинцев вербовали, обеспечивая их при этом жалованьем, обмундированием, вооружением и провиантом за казенный счет. Вербовка была своего рода коммерческим предприятием. В те времена в Европе командир, набравший полк или роту наемников на свои деньги, далее «торговал» ими как хотел, кочуя от одного нанимателя к другому, более щедрому, обогащаясь также и военной добычей.

Полковник или ротмистр регулярной армии, если они не проводили вербовку за свои средства, получали королевский патент и деньги на вербовку от казны, а обер- и унтер-офицеры, непосредственно ею занимавшиеся - патенты от провинциальных властей. Они тоже имели свой материальный интерес, наживаясь на поставке «пушечного мяса» — на 10 завербованных рядовых полагалось 2-3 риксдалера на непредвиденные расходы, которые вербовщики клали в свой карман. Завербованным человек считался, если получал задаток и пил первую положенную кружку казенного армейского пива. Офицеры зачастую правдами и неправдами задерживали положенные солдатам деньги. Если план вербовки не выполнялся, выданные средства возвращались.

При ее проведении часто применялись спаивание, шулерская азартная игра, обман и прямое насилие. Поэтому вербовка была крайне непопулярна и у народа, и у местных властей. Принудительно разрешалось забирать только крестьян-бобылей, не имеющих рабочего скота, батраков и «праздношатающихся», но эти правила повсеместно нарушались. Вербовали в кавалерию даже кочевых шведских и финляндских цыган, впрочем, ценимых в армии за храбрость и хорошее знание «материальной части» кавалерии, кузнечного, шорно-седельного и ветеринарного ремесел.

Вербованные, часто представлявшие собой далеко не самых лучших членов общества, а иногда и преступников, идущих в армию, чтобы избежать наказания, были гораздо худшим материалом, чем нанятые за границей опытные профессионалы или выставляемые на конную службу рейтары.

Кирасиры, самый дорогостоящий род кавалерии, насчитывали к концу войны более 1 000 человек, - двенадцать рот в Прусской армии. в том числе гвардейскую королевскую, две лейб-роты фельдмаршала Врангеля и две лейб-роты Горна в Лифляндской армии. Лейб-роты были в основном вербованными немецкими, остальные — шведскими.

Население герцогства Финляндского насчитывало меньше половины населения государства, но большинство рейтар Густава Адольфа в войнах 1621-1629 годов составляли известные своими отличными боевыми качествами финны. Позже, в Германии, во время Тридцатилетней войны их прозвали «гаккапелитами» за боевой клич «Хааккаа паялля!» (в переводе «Бей по голове!» или «Руби сверху!») Численность их постоянно росла: если в начале войны в действующей армии насчитывалось 12 финских рейтарских рот численностью до 1 600 человек, то в конце ее из примерно 4 000 рейтар было более 3 000 финнов,- всего 28 рот, по 14 рот в Пруссии и Лифляндии К концу войны они сводились во временные полки. В Прусской армии в 1627 году был образован 7-ротный полк Оке Тотта, в 1628-1629 годах финские рейтары были сведены в 7-ротные полки Ханса Экхольта и Райнхольда Анрепа численностью по 450—550 всадников, в Лифляндии — в полк Горна.

Финских конников очень ценил Густав Адольф и часто брал их в свой эскорт.

Шведские рейтары в 1626-1629 годах действовали только в Пруссии и объединялись в шесть полков из трех-пяти рот, - Остготский Дитриха Шперройтера, Вестготский Эрика Соопа, Смоландский графа Пера Браге, Седерманландский Закариаса Паули, Вестманландский, Уппландский Исаака Аксельссона Сильверспарре (многие шведские офицеры получали прозвища, становившиеся фамилиями, например «Серебряная шпора» или «Стальная перчатка»), и Эландскую роту. По численности данные полки являлись фактически эскадронами, каковыми они часто именуется в литературе (употребляются также термины типа «седерманландские рейтары», «уппландская кавалерия».)

Первые драгуны в Швеции появились в 1621 году. Сначала это была французская рота Адама-Ришара де ла Шапелля, позже развернутая в полк. Как отмечают шведские историки, первых драгун набирали из разноплеменных отъявленных висельников, буянов и сорвиголов, под стать их известному всей армии командиру. После капитуляции Риги на шведскую службу перешел со своими людьми ротмистр литовской драгунской хоругви Гийом де ла Баррр. Он получил патент на вербованную роту, впоследствии развернутую в полк трехротного состава в 300 коней, состоящий из французов и немцев. В 1622 году в Лифляндию отправилась драгунская рота, набранная из шведских рекрутов.

Этот род войск был заимствован из Франции, и драгунами, имевшими различный национальный состав (от французов до ингерманландцев) и способ комплектования, командовали чаще всего французские офицеры (Адам-Ришар де ла Шапелль, Гийом ле ла Барр, Пьер де Броссар, Даниэль Дюмени, Антуан Монье, Пьер Дюверже.) Рота русского происхождения Евстафия Карнизина в Прусской армии была финско-шведской. Драгун, предназначенных для действий и в конном, и в пешем строю, в шведской кавалерии в те годы было сравнительно мало – примерно по одной роте в Прусской и Балтийской армиях, что позволяет судить о той второстепенной роли, которую отводили «ездящей пехоте». Драгунские роты имели штат пехотных рот и действовали, как правило, в пешем строю, выделяя в коноводы десятую часть, а иные роты вообще не имели лошадей.

В 1621 году в организации кавалерии Густав Адольф перешел от прежних громоздких «хоругвей» по 250-320 человек к более рациональным ротам по 125 всадников, имевшим по три взвода (корнета) по 40 человек. Штат шведской и финской рейтарской или кирасирской роты включал ротмистра, лейтенанта, фенриха (корнета), штандарт-юнкера, фурьера, двух капралов, двух трубачей, в нестроевой состав входили пастор, писарь, цирюльник (он же хирург), профос, кузнец. Командиру полагалось по четыре лошади, лейтенанту и корнету по три, капралам и трубачам по две, прочим по одной.

В этот период в шведской кавалерии полки и эскадроны были объединениями временными, а роты – постоянными. С 1627 — 1628 годов действительную полковую организацию (8 рот, 1 000 всадников), получают Смоландский и Вестготский полки. Наилучшим образом в сражениях в Пруссии проявили себя вестготы и седерманландцы. Полковой штат включал полковника, подполковника, майора, полкового квартирмейстера, полкового писаря, полкового хирурга.

Как и в пехоте, «старшие» лучшие роты кавалерийского носили имена полковника, подполковника и майора. В начале войны национальные «земельные» шведские и финские роты составлялись в основном из жителей одной местности, но в конце ее стали более смешанными.

Адельсфаны (Шведский, Финляндский, Ингерманландский, Лифляндский, Эстляндский) — конные хоругви дворянского знамени численностью 100 — 300 всадников набирались и выставлялись дворянами-помещиками, обязанными королю службой. В Лифляндии и Пруссии действовал Лифляндский адельсфан Магнуса фон дер Палена и Мартина фон Анена, а также Ингерманландский адельсфан. По вооружению они были близки к рейтарам.

Иноземная кавалерия

Иноземных кирасир, аркебузир, рейтар и драгун, как правило, шведское правительство нанимало за границей целыми полками и ротами, приглашая из Германии полковников и капитанов с хорошей боевой репутацией и их обстрелянными, опытными кавалеристами. В 1628 году из Дании на шведскую службу в Пруссии перешли аркебузирский полк рейнграфа Отто Людвига фон Кюрбурга цу Зальма унд Мерхингена и два кирасирских полка Вольфа-Генриха фон Баудисина и Кристоффера фон Хюникена. Гвардейская кирасирская хоругвь, ведущая свою историю с XVI века, состояла частично из вербованных немцев, частично из шведов и одного финского корнета. В ноябре 1621 года она потеряла знамя в бою с литвинами при Кроппенхофе, понесла потери, а зимой того же года остатки лейб-роты, которую эвакуировали в Швецию, погибли при кораблекрушении в Балтийском море. «Livfanan» был воссоздан заново и воевал в 1625-1629 годах в Лифляндии, Курляндии и Пруссии (командир в 1621-1622 годах Юрген фон Майдель, в 1626 году фон Адеркас).

Общая численность вербованной кавалерии, как правило, немецкой, в Прусской армии постоянно возрастала - от 300 всадников в 1626 году до 2 000 к концу войны. В Лифляндии ее численность была невелика.

Штат вербованной роты включал ротмистра, лейтенанта, корнета, квартирмейстера, трех капралов, двух трубачей, фельдшера, профоса, кузнеца и писаря. При этом ротмистр имел шесть лошадей, а лейтенант четыре, корнет и квартирмейстер по две.

Полковой штат включал полковника, подполковника, майора, полкового квартирмейстера, полкового казначея, полкового писаря, полкового профоса, четырех пасторов и трех денщиков.

Строевые и нестроевые чины вербованных и «земельных» шведских и финских кирасирских и рейтарских частей имели различное денежное содержание (через дробь): ротмистры 100/48 риксдалеров, лейтенанты 50/30, корнет 50/30, капралы 30/18, пасторы и каптенармусы по 10/5, цирюльники, профосы, седельники, кузнецы, сапожники по 8/4, трубачи и литаврщики по 6/3, волонтеры и рядовые - по 20/15 риксдалеров.

Преимущество в оплате ратного труда наемников объяснялось тем, что нанимались сравнительно опытные солдаты и офицеры, а также старой традицией – платить чужим больше, чем своим.

Состав и численность

В начале войны 1621-1622 годов численность войск Густава Алольфа, осадивших Ригу в июле-сентябре составляла от 19 до 24 тысяч человек. В армию входили шведские пехотные полки: Остготский, Седерманландский, Оке Оксиеншерна, Фридриха Иоахима Мансфельда под командой подполковника Ханса Врангеля, полки Густава Горна, Патрика Рутвена, Джона Хендерсона, Арвида Ханда, Йоста Клодта, финские полки: Финляндский полк Рихарда Розенкранца подполковника Кристоффера Ассарссона, Карельский полк Генриха Флеминга подполковника Эрнста Кройца, полк Самуэля Коброна, вербованный шотландский полк Фрица Ситона.

Кавалерия насчитывала семь шведских рейтарских рот, артиллерия до 40 орудий. Осаду поддерживал блокирующий Ригу с моря шведский флот — более 40 боевых и вспомогательных судов.

В Лифляндии в мае 1625 года армия вторжения составляла до 20 тысяч тысяч человек. Рижский отряд короля Густава Адольфа включал один гвардейский немецкий пехотный вербованный «Желтый» полк, восемь шведских полков, – Смоландский, Вестманландский, Кальмарский, Норрландский, Крунубергский, Енчепингский, Седерманландский, Дальский, три финских полка – Карельский Генриха Флеминга, Тавастгусско-Нюландский Эрнста Кройца, Выборгский Ханса Врангеля, семь шведских и немецких кирасирских и пять финских рейтарских рот, - всего 13,7 тысяч, в том числе 12 тысяч пехоты и 1,7 тысяч

кавалерии.

Объединенный Ревельско-Нарвский отряд генерала Якоба Делагарди (Ревель) и полковника Густава Горна (Нарва) включал два финских пехотных полка – Финляндский Кристоффера Ассарссона и Саволакский Густава Горна, четыре пехотных роты из Нарвы и две из Ревеля, Лифляндский адельсфан из двух конных рот, одну шведскую и двенадцать финских рейтарских рот, драгунскую роту, - всего 5 370 человек, в том числе 3 300 пехоты и 2 070 кавалерии.

Шведская армия Густава Адольфа, высадившаяся в июне-июле 1626 года в Пиллау (Бранденбургская Пруссия) при поддержке 150 кораблей, первоначально насчитывала до 6 000 пехоты и 1 000 кавалерии. К сентябрю, к началу сражению при Меве (Гнев) в Пруссии удалось сосредоточить более 14 тысяч пехоты и 2,4 тысячи кавалерии: вербованные «Желтый» (гвардейский «хофрегимент»), «Синий» и «Красный» полки, Остготский, Вестманландский, Крунубергский, Кальмарский, Смоландский, Хельсингландский, Нерке-Вермландский, эскадрон Енчепингского полка, финские Эстерботтенский и Бьернеборгский полки, роту королевских драбантов, кирасирские лейб-роты фельдмаршала Врангеля и графа фон Турна, семь шведских и шесть финских рейтарских рот, две роты лифляндского адельсфана, две драгунских роты и более 80 орудий полевой и осадной артиллерии.

Ко времени заключения Альтмаркского перемирия в сентябре 1629 года в Прусской армии у короля Густава Адольфа и фельдмаршала Германа Врангеля насчитывалось уже до 27 тысяч человек, в том числе более 15,4 тысяч пехоты (12 тысяч в гарнизонах) и более 11,5 тысяч кавалерии:

- вербованные немецкие «Желтый», «Красный», «Синий», «Зеленый» полки;
- шотландские полки Рамзая, Хепберна и Лесли;
- шведские Седерманландский, Крунубергский, Енчепингский, Остготский, Хельсингландский, Эльвсборгский, Вестгот-Дальский, Вестманландский, Кальмарский, Нерке-Вермландский, Вестерботтенский, Норрландский;
- кирасирские и аркебузирские полки рейнграфа Отто Людвига, фон Хюникена, фон Баудисина,
- шесть шведских кирасирских рот;
- семь шведских и шестнадцать финских рейтарских рот, - две драгунских роты.

В Балтийской армии генерал-лейтенанта Густава Горна к концу войны насчитывалось до 8 тысяч человек, в том числе 5, 5 тысяч пехоты и 2,3 тысячи кавалерии.

Вербованные пехотные полки:

- немецкий Мельхиора Вурмбрандта и шотландский Джеймса Спенса,
- шведский Дальский пехотный полк Оке Оксиеншерны, эскадрон Вестманландского полка;
- финские полки: Саволакский Густава Горна, Выборгский Германа Врангеля, Абоский Кристоффера Ассарссона, Тавастусско-Нюландский Эрнста Кройца, финские эскадроны Ханса Горна, Хеннинга Грасса и Якоба Скотта;
- три вербованных кирасирских роты;
- двенадцать финских рейтарских рот;
- Ингерманландский и Лифляндский адельсфаны.

На протяжении всей войны осуществлялась переброска войск из Лифляндии на главный театр в Пруссию, куда - переведено было не менее пяти пехотных полков.

Общая численность вооруженных сил Королевства Швеции и Финляндии к концу войны 1625-1629 годов превышала 72 тысячи человек, из них 38 тысяч шведов и финнов.

Стратегия

И в Лифляндии, и в Пруссии король Густав Адольф придерживался похожей стратегемы «забега на длинную дистанцию». План войны, являвшийся частью долгосрочной программы завоевания Швецией господства на Балтике, включал сосредоточение превосходящих войск, быстрое овладение намеченной областью с ее торгово-промышленным и административным

центром (Рига, Данциг), пользуясь слабостью польско-литовских сил и поддержкой местного протестантского населения.

Далее король (а в Лифляндии губернатор де ла Гарди и генерал Горн) стремились удерживать занятые территории, выкачивая из них ресурсы, вести активную оборону, не идя на генеральное сражение и не стремясь осаждать Варшаву или Вильно, выжидая заключения выгодного мира или перемирия (которое обычно заключались на время с ноября по апрель).

К миру противника склоняли не слишком частыми, но быстрыми, короткими и мощными ударами по его войскам, обычно терпящим поражение от вымуштрованных шведов, а также «малой войной», рейдами небольших отрядов, разорявших операционную базу неприятеля и угонявших население и скот.

В Лифляндии шведы, опираясь на Ригу, удерживали линию по реке Дине (Даугава) от Митава (Елгава) до Динабурга (Даугавпилс), в Пруссии - приморский плацдарм по линии Вислы от Данцигер-Гаупт (Глова Гданьска) до Диршау (Тчев), далее Мариенвердер (Квидзын) –Остероде (Оструда) – Гуттштадт (Добре Место)– Вормдитт (Орнета) – Браунсберг (Бранево) – Пиллау (Балтийск). Снабжение из метрополии осуществлялось через порты Рига, Пиллау и Эльбинг (Эльблонг) беспрепятственно - ввиду господства шведского флота на Балтийском море,

Большие города и ключевые крепости занимались и укреплялись большими пехотными гарнизонами, которые с помощью местного населения всячески усиливали их оборонительные возможности, делая нереальным успешный штурм теми войсками, что были в распоряжении Речи Посполитой.

Более-менее крупные сражения происходили один, много - два раза в год. Осады предпринимались крайне редко, при этом мощные твердыни Королевской Пруссии, в первую очередь богатый и многонаселенный Данциг, а также Торн (Торунь) и Грауденц, (Грудзендз) оказались шведам не под силу.

Богатая Речь Посполитая для ведения войны вынуждена была постоянно наращивать свои собственные военные расходы, вводя все новые и новые налоги, в то время как бедная Швеция вела войну главным образом за счет ресурсов захваченных территорий, включая сюда доходы от взимания торговых пошлин в польских и прусских портах.

В целом, если не считать того, что Данциг так и остался в руках Польши, верность избранной стратегии оправдалась. Польша и Литва, даже получив помощь войск Священной Римской империи, смогли выдерживать такое военное напряжение только три года и пошли на перемирие и уступку территорий.

Нейтральное в начале войны Герцогство Прусское, владение курфюрста Бранденбургского, пыталось выступить на стороне своего сюзерена Польши, но из-за слабости в военном отношении ничем не смогло ей помочь и вынуждено было вновь объявить нейтралитет.

Оправдался и расчет короля Густава Адольфа на политические распри в Речи Посполитой, являвшейся шляхетской республикой с довольно слабой властью короля и сильной оппозицией ему со стороны магнатов и шляхты, не пожелавших более воевать и нести расходы для возвращения Сигизмунду III призрачной короны Швеции. В сейме одержала верх «партия мира (при этом в нем всегда было сильное протестантское лобби, выступавшее против войны.)

В то же время шведский король своей властью мог заставить армию, риксдаг, дворян и народ воевать и нести бремя военных тягот сколь угодно долго.

Большую роль в заключении мира сыграли великие державы - Англия, Франция и Нидерландские Штаты, кровно заинтересованные во вступлении Швеции в войну против Габсбургской Католической Лиги и возобновлении данцигской торговли.

Командование

Верховным главнокомандующим являлся король, он же руководил военными действиями

в Лифляндии и Курляндии в 1621 — 1622 и 1625 годах и в Королевской (Польской) Пруссии в 1626 — 1629 годах. Прусской армией командовал фельдмаршал Герман Врангель (штаб в Мариенбурге), Лифляндской армией генерал-лейтенант Густав Горн (штаб в Риге). Оккупированными территориями руководили канцлер королевства, генерал-губернатор Пруссии Аксель Оксеншерна (резиденция в Эльбинге) и генерал-губернатор Лифляндии Якоб Делагарди (резиденция в Риге). В отсутствие короля они осуществляли верховную гражданскую и военную власть. Королевским флотом командовал вице-адмирал Карл Гюлленхельм, побочный сын покойного короля Карла IX, фактически - вице-адмирал Клаас Флеминг.

Генерал-лейтенант замещал фельдмаршала и командовал кавалерией, генерал-фельдцейхмейстер командовал артиллерией, генерал-квартирмейстер планировал операции и походы, в его ведении были картография, колонновожатые, инженерные войска, прокладка дорог и строительство мостов, расквартирование и маркитанты. Генерал-вахтмейстер был дежурным генералом и генералом для особых поручений, руководил отдельными отрядами.

Король Густав сумел собрать вокруг себя многих талантливых, агрессивных, инициативных полководцев, которые, подобно маршалам Наполеона, не только блестяще воплощали в жизнь его замыслы, но и сами способны были добиваться побед, самостоятельно руководя операциями. Молодые тогда Горн, Банер, Тойффель, Торстенссон, Лесли, Книпхаузен, Лилье, Виттенберг станут фельдмаршалами, а Хепберн - маршалом Франции, Тотт, Браге, Стольхандске, Сооп, Таупадель, Книпхаузен, Рамзай, Скотт, Драммонд, Рутвен, Баудиссин, рейнграф Отто Людвиг и многие другие - известными на всю Европу генералами Тридцатилетней войны, грозой Германии.

Однако наиболее всех ценил король трех своих полковников — командира «Желтого» гвардейского полка богемского графа фон Турна-младшего, сына полководца, начавшего Тридцатилетнюю войну, командира Норрландского пехотного полка ижорского дворянина на шведской службе Фрица (Федора) Петровича Розладина и сына фельдмаршала Ханса Врангеля. Им не суждено было обрести маршальский жезл — двое первых умерли от тифа в Страсбургском походе 1628 года, третий пал в битве при Тшцяне, прикрывая отход армии со своими кирасирами.

Тактика и боевой порядок

Следует оговориться: боевая практика в войне в Пруссии и Лифляндии порой значительно отличалась от таковой в Тридцатилетнюю войну в Германии, где огромные пехотные и конные массы шведско-протестантской и имперско-католической армий разворачивались и действовали на обширных полях битв. А именно эти события чаще всего и приводят в пример, говоря об армии Густава Адольфа, что, на наш взгляд, не дает полного о ней представления.

Дело в том, что в силу весьма сложного лесисто-озерно-болотистого театра военных действий в Пруссии и Лифляндии, насыщенного крепостями и замками, и характеристики противостоящего шведам врага, главной ударной силой которого была тяжелая гусария, вспомогательной – легкая казачья конница, а пехота относительно малочисленной и слабой, тактика шведской армии в войне 1621-1629 годов во многом определялась именно этими особыми условиями.

Здесь приходится оспаривать тезис о том, что-де передовое линейное построение, принятое в шведской армии, якобы «не давало ей возможности вести боевые действия на пересеченной местности». Может быть, линейное построение этого и «не давало». Однако, как это ни странно, почти все важнейшие битвы шведов в Пруссии и Лифляндии происходили в неудобьях, узостях и дефиле, в местностях со сложным рельефом, иногда начинаясь с форсирования водных преград (Кеземарк, Гуржно.) Нередко они проходили зимой, в условиях низких температур и снежного покрова (а в Центральной и Южной Германии, как известно, настоящей зимы не бывает.)

Автор не будет приводить и описывать здесь известные по военным энциклопедиям классические схемы различных боевых построений шведских бригад времен Тридцатилетней войны типа «блок пикинеров спереди, блок мушкетеров позади, пикинеры в центре, мушкетеры на крыльях» и т.д.» Желаящие легко смогут ознакомиться с этой темой в других, куда более авторитетных монографиях. Дело в том, что в Прусской и Лифляндской кампаниях просто не имело места одних и тех же «классических схем», как не было и двух похожих сражений.

Свои «шахматы» премудрый шведский король, фельдмаршал Врангель и генерал Горн расставляли всякий раз по-разному. Густав Адольф не держался устава, «яко слепой плетня», тем более что уставы для своей армии он составлял и утверждал сам. Изучив европейский военный опыт, он не стал копировальщиком чужих тактических «линейных» схем и построений, планируя битву и выстраивая войска в каждом конкретном случае по-новому, а в случае необходимости – откладывая на потом и саму линейную тактику.

Король в высшей мере обладал тем, что называется «взглядом полководца», - умением быстро увидеть местность, ее выгоды и сложности, обратить их сложности в свою пользу, рационально расположить войска, оценить положение и силы противника и понять, что от него можно ожидать и где и чем по нему следует ударить.

Огромное значение он придавал разведке, высылая на дальние расстояния конные отряды. Перед сражением Густав Адольф, как правило, проводил рекогносцировку лично. Имея плохое зрение, часто подвергал себя опасности, слишком близко приближаясь к противнику, чтобы рассмотреть его получше (что и стало причинами его ранения при Диршау и гибели при Лютцене.).

Король никогда не действовал по шаблону, порой удивляя неожиданными и весьма рискованными решениями в самых сложных ландшафтных и природно-климатических условиях. Вот несколько тому примеров.

В битве при Вальгофе в январе 1626 года Густав Адольф совершив длительный зимний ночной (!) марш в рождественскую ночь, провел 5-тысячное войско по льду Даугавы, через лесной завал по единственной занесенной снегом узкой дороге, моментально развернулся с марша в боевые линии и атаковал уступающий ему в силах отряд Сапеги в узком межозерном дефиле. Центр составил пехотный полк, построенный в шахматном порядке с артиллерией впереди, правое и левое крыло – по три рейтарских эскадрона в шахматном порядке и у них на флангах - по две роты мушкетеров пехотного прикрытия. Вторая линия – три эскадрона кирасир за пехотой. Шведы вынудили литвинов отступить и оставить позицию и лагерь почти без боевого соприкосновения, давлением залпирующих эскадронов мушкетеров на фланги, после чего на смешавшегося при отступлении неприятеля обрушилась конница.

В битве при Меве (Гнев) в сентябре 1626 года армия Густава Адольфа вообще зашла в природную ловушку: справа Висла, слева крутые высоты с засевающим неприятелем. Шведы отразили многочисленные польские атаки, укрепившись на линии противопаводковых дамб, рискуя в случае поражения быть сброшенными в реку. Через три дня король приказал скрытно, на рассвете, подняться на укрепленную врагом кручу двум отборным батальонам мушкетеров, которые, сражаясь под обрывом, плотным огнем обратили в бегство польскую конницу. Пользуясь их успехом, король двинул на высоты войска второй линии, построил их на холмистом плато в бригадный порядок, пошел вперед, успешно отбивая новые атаки, и заставил армию Сигизмунда отойти и снять осаду крепости...

При Меве шведская бригада построилась двумя полковыми «коробками», стоящими рядом, - в центре пикинеры, на флангах мушкетеры, кавалерия по флангам в первой и во второй линии, четыре пушки впереди в интервалах.

При Диршау в августе 1627 года шведская кавалерия выманила противника из-за болота притворным отступлением, затем он был остановлен огнем редутов шведского лагеря, после чего три колонны конницы атаковали и разгромили отходящих гусар и казаков Конецпольского, сгрудившихся на болотной гати...

В июне 1628 года, в проливные дожди, Густав Адольф совершил малыми силами рейд через гиблые топи вислинского устья и, подойдя к крепости Латарния, расстрелял одной батареей польский флот на стоянке, потопив два корабля, остальные вынудив уйти в Данциг...

В походе на Грауденц (Грудзендз) в сентябре 1628 года шведская армия имела пять бригад, расположенных как бы по углам и центру условного «квадрата». Бригады Врангеля и фон Турна первой линии имели два пехотных полка уступом вперед, по три эскадрона конницы на флангах уступом назад, три эскадрона конницы во второй линии. Самая сильная бригада короля и Тойффеля, стоявшая в центре «квадрата», во второй линии, была способная выйти вперед между бригадами первой линии и имела три пехотных полка уступом вперед, по четыре эскадрона конницы на флангах и четыре – во второй линии. Бригады Банера и Эрнройтера третьей линии имели построение, аналогичное бригадам первой линии.

Данный боевой порядок не был задействован, - генерального сражения с поляками не произошло. Зато произошло нечто другое: в этом походе небольшой отряд шведов внезапным ночным штурмом овладел городом Нойенбург на Висле, скрытно подойдя к нему...на плотках!

При Гуржно в феврале 1629 года порядок шведского войска фельдмаршала Врангеля представлял собой две смешанные линии. Первая – два крыла по два пехотных эскадрона в ряд с 4 орудиями впереди и за ними - семь эскадронов кирасир, аркебузир и рейтар в шахматном порядке. При этом три эскадрона (полк) могли свободно атаковать в центре, в интервале между пехотой. Вторая линия – два эскадрона пехоты впереди, за ней уступом эскадрон кирасир и драгунская рота. В центре второй линии два эскадрона кирасир друг за другом, за ними обоз с прикрытием двух рот пехоты.

Войско фельдмаршала Врангеля предприняло быстрый двухдневный 100-километровый рейд, начало битву быстрым наведением переправы, дерзким форсированием по неокрепшему льду болотистой речки Брыница и взятием польского редута, защищающего мост, ввиду пассивно наблюдавшей это всей польской армии.

Вот вам и линейная тактика! В будущих войнах подобные задачи обычно поручались егерям...

Залогом успехов шведской армии было четкое взаимодействие родов войск. Именно в нем Густав Адольф нашел средство против сильной и ранее казавшейся непобедимой польской гусарской конницы, которая в начале войны количественно сильно превосходила шведскую рейтарию (а впоследствии – и против имперских кирасир Тилли и Валленштейна.) Во всех битвах этой войны (кроме чисто кавалерийской битвы при Тшцяной) боевые порядки были смешанными.

Четкое взаимодействие трех родов войск, рационально объединенных в боевых порядках, принесло победу шведам в битве при Вальгофе (Валмуйжа) в январе 1626 года и Меве (Гнев) в сентябре 1626 года, где Густав Адольф впервые применил пехотную бригаду из двух полков, поддержанных рейтарскими эскадронами и полевой батареей.

Взамен больших и громоздких трудноуправляемых пехотных терций Густав использовал гораздо более малые, эффективные и не менее устойчивые за счет повышения огневой мощи формации-фирфенлейны (полки, батальоны), объединенные в бригады смешанного состава по два-три полка. Шестишереножный строй мушкетеров и пикинеров со значительными интервалами между блоками пехоты позволил пехотным блокам более свободно маневрировать на поле боя, своевременно реагировать на возникшую угрозу резервами, взаимодействовать пехоте друг с другом, с полевой артиллерией и кавалерией. Последняя была способна оперировать не только на флангах, но могла выходить во фронтальную атаку в интервалы между пехотными формациями первой линии.

Тактика пехоты

В обучении пехоты по передовой голландской методе, которую он значительно развил, король поставил перед ней задачи вести частый одновременный огонь, четко перестраиваться на поле боя и с марша в заранее запланированный боевой порядок, быстро самоокапываться, возводить полевые редуты и укреплять лагерь. Это достигалось упорной повседневной муштрой, огневой и строевой подготовкой, практикой полевой фортификации.

Атаки польской кавалерии, основной ударной силы противника, встречались необычайно частым огнем шведских мушкетеров, способных производить стрельбу и «контрмаршами» - поочередно выступающими вперед рядами, после стрельбы уходящими за строй для перезаряжания, и одновременные залпы тремя рядами. Обычно при стрельбе первая шеренга опускалась на колено, вторая стреляла поверх голов, третья в интервалы, а три задние шеренги заходили на фланг передним и стреляли подобным же образом.

Рота, 4 дивизиона из 96 мушкетеров, способна была произвести 200 выстрелов в минуту, эскадрон из 4 рот – 800. И хотя рассеивание при стрельбе из мушкетов того времени, стрелявших всего на 200-225 метров при эффективной дистанции 80 метров, было весьма большим, а меткость, особенно по движущейся коннице, невысокой, стена огня делала свое дело. Картечью били расставленные в промежутках и на флангах передвигаемые расчетами орудия полевой и полковой артиллерии, а с осени 1627 года - и сверхлегкие «кожаные» пушки.

Огонь был прелюдией, подготовкой к атаке пехоты и кавалерии. В случае, если пеший противник дрогнет и начнет отступать, шведская пехота двигалась вперед и довершала его поражение ударом в пики.

В случае надобности в защиту мушкетеров и пушек сзади, проходя через ряды мушкетеров, или заходя с флангов выступали пикинеры, выставлявшие тройные ряды пик, наклонно утыкаемых в землю. Остальные три ряда составляли резерв. Пикинеры, держа в правой руке пику, а в левой шпагу, при отражении атаки стремились или пырять вражеских всадников снизу под доспех, или поражать лошадей.

Против кавалерии также использовались рогатки, быстро составляемые мушкетерами из носимых специально изготовленных дополнительных коротких пик («свиных перьев») или сооруженные на месте из острых кольев, в европейских армиях прозванных «испанскими наездниками» или «испанскими лошадьми». Они позволяли вести из-за них мушкетный огонь. Если не было времени, пики или наспех срубленные колья просто наклонно втыкали в землю острием к противнику. Применяли тяжелые деревянные рогатки в основном для защиты обоза и лагеря, в сражении — чаще ограды из пик, надеясь главным образом на свое оружие и маневр, который деревянные «наездники» сковывали.

На смешавшегося под огнем и начавшего отходить неприятеля бросались в контратаку рейтары или кирасиры, стоявшие на флангах или во второй линии. При благоприятных условиях кавалерия отгоняла или опрокидывала противника, развивая успех дальше, в случае неудачи или численного превосходства врага - отступала под прикрытие пехоты и артиллерии. Те успевали перезарядить орудия и мушкеты, снова встречали напор конницы пулеметным темпом огня, и все повторялось сначала.

Именно так действовали шведы при Гневе, Гуржно, Брейтенфельде и Лютцене, успешно отражая неоднократные атаки тяжелой кавалерии (при Брейтенфельде было отбито подряд семь «караколей» лучших и ранее непобедимых имперских кирасир и аркебузир Паппенгейма.) Проломить оборону или помешать продвижению вперед такой стреляющей и контратакующей «живой крепости» не могли ни сильная польско-литовская конница, ни «непобедимые» австрийские кирасиры, ни тем более относительно слабые пехота и артиллерия Речи Посполитой.

Обученные и воспитанные королем-полководцем войска позволяли ему решать самые сложные задачи, но так как уровень войска был неодинаков, обычно на сражение

посылались лучшие эскадроны лучших полков, порой в сводный отряд собирали отборные роты.

В отличие от голландской тактической схемы, где мушкетеры своим огнем должны были лишь подготавливать решающую атаку пикинеров, у шведов огневой бой играл главную роль. В войне с Польшей значение пикинеров и их удельная численность год постоянно падали в пользу мушкетеров, перестали применяться рогатки-«испанские всадники». Выставлять частокол пик порой не было особой нужды – конницу успешно отражали плотным мушкетным огнем. По мере роста огневых возможностей полков и эскадронов уменьшалось число пикинеров (кем-то в насмешку прозванных «самыми мирными людьми на войне»). В завершающих сражениях войны шведские полководцы использовали чисто мушкетерские эскадроны, не слишком опасаясь атак польской копейной гусарии и казаков, с которыми к тому же и без них успешно справлялась кавалерия.

Зимой, когда действия кавалерии затруднялись, формировались лыжные части, в основном из финнов (первый отряд из нескольких сот лыжников для борьбы с набегами лисовчиков создал Делагарди в 1622 году в Лифляндии.)

Важным элементом управления, обеспечения нужного ритма при маршировке, поднятия настроения солдат была ротная и полковая военная музыка – барабан, флейта (дудка), труба, гобой, литавры. Барабанщики и трубачи могли передавать команды в виде полутора десятков сигналов. Хождение в ногу в те времена еще не практиковалось, но в строю и на марше шведы, как пехотинцы, так и кавалеристы, держали равнение в рядах и шенренгах, в отличие от немецких ландскнехтов, которые обычно брели толпой.

О применении в этот период специальных войсковых отличий в виде повязанных особых цветных шарфов и девизов для того, чтобы в бою узнавать своих и врагов (например: «С нами Бог!»), автору неизвестно. Видимо, в войне с поляками и литвинами в этом не было нужды: шведские мушкетеры или рейтары и без того не смогли бы перепутать своих с неприятельскими гусарами, казаками и гайдуками.

Нельзя не отметить еще одну особенность: лишь один раз за всю войну, в битве при Меве, шведская пехота выступала в более-менее значительном числе - три вербованных, четыре шведских и два финских полка. При Вальгофе два полка пехоты, наступавшей на флангах и центре, не вошли в боевое соприкосновение с противником, отступавшим перед ее залпами, и дело решила кавалерия. При Диршау в бою активно участвовал один полк неполного состава. При походе на Страсбург, куда вышло до 5 тысяч пехоты, генерального сражения так и не произошло. При Гуржно реально сражался только один пеший эскадрон первой линии. При Тшцяне (Пулковице) в июне 1629 года охранявшая обоз пехота благополучно отступила под прикрытие реки и крепости Штум, почти не понеся потерь.

Пехота успешно, хотя и пассивно сыграла роль защиты захваченных территорий и крепостей, выступая в качестве «силы в потенции.» Канцлер Оксеншерна писал в 1627 году: «Враг боится нашей пехоты, мы – его кавалерии.»

Тактика кавалерии

Главным родом войск в данной войне стала конница, именно на нее легла основная боевая нагрузка. Ее действиям, ее качеству и боевому духу шведы обязаны многими своими победами, а также тому, что единственное их поражение при Тшцяне не превратилось в разгром.

В начале XVII века Швеция по большому счету не являлась «кавалерийской державой», и традиции верховой езды на родине викингов, в стране лесов, озер, скал и порожистых рек, были куда менее развиты, чем у южных воинственных соседей. Не слишком многочисленная и неважно оснащенная шведско-финская рейтария, слегка разбавленная ливонскими рыцарскими ополчениями и иноземными наемниками, по всем статьям уступала польско-литовской гусарии, которая жестоко трепала ее при каждой встрече.

Для создания столь сложного и дорогостоящего рода войск, способного противостоять

первоклассным имперской, польской и датской тяжелым конницам, требовались огромные средства и время, которых не было. Эту проблему Густав Адольф решил неустанным строевым обучением своей национальной кавалерии приемам современного кавалерийского боя, выезде, рубке, фехтованию и стрельбе на скаку с помощью приглашенных для этой цели лучших германских, ливонских, французских и шотландских командиров. Отчасти проблема была решена и наймом в Германии и Дании хороших кирасирских полков с боевым опытом, имевшим качественный конский состав.

Свою роль сыграл и новый подход к боевому применению кавалерии, творческое усвоение опыта противников — поляков и литвинов. Кавалерия стала атакующей. Осознав слабую эффективность принятой в Европе караколирующей тактики, особенно против польско-литовской конницы, король заменил поочередную стрельбу неторопливо заезжающих разными способами рейтар решительным галопирующим таранным ударом кавалерии, строившейся сначала в четыре, а потом в три шеренги. При сближении с противником стреляли из пистолетов только два первых ряда, действуя затем мечами и палашами. Первая шеренга пробивала боевой порядок вражеской пехоты и конницы, вторая развивала успех, а третья являлась резервом.

Годы обучения и передовая тактика принесли свои результаты. Сражения при Вальгофе, Меве, Диршау и Гуржно развеяли миф о непобедимости польских и литовских гусар, после столкновения «пистолет и меч против копья и кончара» всякий раз с уроном оставлявших противнику поле боя.

Скачущие в плотных боевых порядках «колени к колени» рейтары и кирасиры сначала прореживали и расстраивали строй врага меткими залпами, потом таранили конной массой и рубили и кололи тяжелыми, остро отточенными мечами, довольно эффективными даже против железных шлемов, лат и кольчуг (позднее в Европе знаменитый шведский «удар смерти» наискось через плечо вызвал появление стального погона, прародителя нынешнего.)

Опровергая утверждение, что в Европе нет конницы, способной противостоять польским гусарским копьям, иные лихие шведские кирасиры и рейтары при столкновении просто рубили их древки. А если верить шведским источникам, то один из лучших кавалерийских начальников шведского короля полковник Штрайфф якобы вообще в каждой битве показательно обрубал по нескольку вражеских копий, что действовало на гусар деморализующе.

Хорошо умели шведские кавалеристы поражать противника и колющими ударами в прорези шлема и незащищенные доспехами места, в ближнем бою применяли тяжелый длинный пистолет вместо чекана или палицы (как, например, сам король Густав Адольф в битве при Тщяне.) Шведско-финские рейтары, нередко выступавшие в сравнительно легкой броне на низкорослых лошадках против против тяжелооруженных неприятельских всадников на рослых конях, часто применяли такой прием: сначала поражали коня, а потом упавшего седока.

Что касается иррегулярной польской легкой конницы, то практически любое большое или малое столкновение сплоченных шеренг шведских рейтар даже с численно превосходящими хоругвями легковооруженных казаков, лисовчиков и пятигорцев приводило к поражению и бегству последних (см. известное выражение Наполеона о мамелюках и французских драгунах.)

В оценке действий шведской кавалерии невольно напрашивается сравнение с боями конницы в советско-польской войне 1920 года. Там с польскими уланами, вооруженными пиками, саблями и винтовками, столкнулась кавалерия 1-й Конной армии. В атаке первые ряды ее эскадронов состояли из умелых сабельных рубак, прикрываемых с боков стрелками из наганов и маузеров. При этом атаки предварялись и поддерживались фронтальным, фланговым и перекрестным огнем маневренных пулеметных тачанок (их роль у шведов, как может догадаться читатель, играли шеренги «скорострельных» мушкетеров.) Конная артиллерия красных также неплохо умела разворачиваться и бить в гуще боя прямой наводкой. В то же время польским кавалеристам для более-менее эффективной ружейной

стрельбы нужно было спешиваться, а их конно-пулеметным командам - развьючивать пулеметы и занимать стационарную позицию. Исход такой схватки был predetermined.

Вряд ли Буденный, Тимошенко или Городовиков слышали что-нибудь о кавалерийской тактике Густава Адольфа, но данный пример наглядно показывает, как полезно изучать военную историю...

Как отмечалось выше, своему успеху шведская кавалерия зачастую была обязана хорошему взаимодействию с пехотой и артиллерией. Именно отсутствием такой поддержки и объясняется поражение шведов при Тшцяне, когда поляки и австрийцы последовательно атаковали три шведских колонны, где многие рейтары и кирасиры, не ожидая каверзы от неоднократно битого ими противника, по случаю летней жары сдали доспехи в обоз.

Прекрасно показала себя шведская рейтария в качестве легкой кавалерии, - в дальних рейдах, разведках и фуражировках, на пересеченной местности, в лесах, неудобьях, снегах и болотах, успешно соревнуясь здесь с казаками и «лисовчиками», признанными авторитетами в данной области. Особенно отличались здесь финские рейтары, про которых один иноземец сказал: «Финны у шведов — то же, что у поляков татары...».

И в таранных атаках, и в лихой конной рубке, требующей виртуозного владения конем и оружием, и в «малой войне» по разорению операционной базы противника шведские и финские «ученики» догнали и даже превзошли своих «учителей» в кавалерийской «науке побеждать» — знаменитых на всю Европу конников Речи Посполитой.

Конский состав

Тема кавалерии была бы неполной без разговора о конском составе. Боевые качества специально обученного коня значат для кавалеристов не меньше, чем для танкистов - ТТД их танков. Для разных родов кавалерии требуются разные лошади, и кирасира и гусара не посадишь на любую крестьянскую сивку-бурку.

Нанятые шведами в Германии и Дании не слишком многочисленные немецкие кирасиры и аркебузиры выступали, как правило, на сильных и рослых лошадях фризской, голштинской, саксонской и прусской пород, выведенных в свое время специально для того, чтобы носить на себе бронированных рыцарей. В то же время национальная кавалерия, составлявшая большинство, обычно имела под седлом своих местных низкорослых (145-155 см в холке), мохнатых, на вид неказистых, но довольно крепких, выносливых, неприхотливых к содержанию и морозоустойчивых «крестьянских» лошадей, - шведской, реже лифляндской и литовской, но большей частью финской породы, которых часто именуют невоенным термином «пони». (Кстати, суровой зимой в Ботническую войну 1808-1809 годов пали все кони шведской кавалерии, кроме тех, что были в финских драгунских полках.) Особенно прославили своих свирепых всадников-«гаккапелитов» «финки», породу которых отчасти улучшили скрещиванием с трофейными татарскими и подольскими породами.

По этим причинам в шведской кавалерии существовали заниженные требования к росту лошадей - от седла 14 ладоней (140 см) для офицеров и кирасир, и только 11-13 ладоней (110-130 см) для рядовых рейтар. Для сравнения: в кавалерии Фридриха Великого и Наполеона минимальный рост гусарских лошадей должен был составлять от седла 148 сантиметров, кирасирских — 155 сантиметров.

Однако и для «гоноровых» крылатых гусар Конецпольского, как впоследствии и для великолепных кирасир Валленштейна и Тилли, поначалу насмехавшихся над неказистой шведско-финской кавалерией, после боя с ней часто становилось не до смеха. Историки доселе задаются вопросом: в чем же причина побед рейтар Густава Адольфа, этих посаженных в седла бывших лесорубов, рыбаков и лыжников, «унылых пасынков природы», над отличной польской и имперско-католической тяжелой кавалерией?

В этой связи хотелось бы привести цитату не из научного, а из литературного источника, - романа классика финляндской литературы Закариаса Топелиуса «Королевский перстень»,

из главы, повествующей об участии финского полка Стольхандске в сражении при Брейтенфельде в сентябре 1631 года:

«...Под конец король подъехал к правому флангу, которым он сам командовал...

-Стольхандске, - сказал он, осаживая гигантского гнедого скакуна у последнего ряда финских войск, - вы, верно, понимаете, почему я вас поставил с самого края. Прямо против нас стоит Паппенхейм со своими валлонцами, он страстно мечтает сразиться со мной, - слегка улыбнулся король, - и полагаю, бой будет жарким, если он обрушит на вас свои полчища. Надеюсь, вы достойно встретите его....

Финские конники очень хорошо понимали как опасность своего положения, так и оказанную им честь, и гордились этим. Доверие короля вселило в них веру в победу. При первом взгляде на эти в большинстве своем невысокие, коренастые фигурки на низкорослых невзрачных лошаденках казалось совершенно невероятным, что они могут нанести удар рослым валлонцам на их горячих, крепко сбитых, огромных скакунах. Сам Тилли в речи, произнесенной незадолго до битвы перед войском, с презрением говорил о своих голодных, плохо экипированных врагах и об их лошадях: они, мол, куда хуже самых дохлых обозных немецких лошадей.

Но то, чего недоставало финским конникам в осанке и внешнем виде, с избытком восполняли их твердые, как железо, мускулы, их удивительное спокойствие, неколебимость и мужество перед лицом смерти. А их низкорослые лошаденки обладали выносливостью, немало способствовавшей победам финнов в долгих утомительных многочасовых сражениях.

Под радостные крики «ура!» король галопом ускакал. Стольхандске, повернувшись к своим людям, повторил слова короля по-фински. Лица всадников сияли гордостью и радостью...»

Дальнейшее известно: Паппенхейм обрушил на шведов семь безуспешных атак, после чего он со своими уцелевшие валлонцами обратился в бегство.

Артиллерия

В развитии и организации артиллерии как рода войск, а также пушечного и порохового производства король Густав Адольф опирался на богатый западный опыт, в большом количестве приглашая иностранных специалистов. В строительстве чугуно- и меднолитейных, пушечных и оружейных заводов и мануфактур с использованием вододействующих машин большую помощь Швеции оказали передовые голландцы и фламандцы. Огромную роль в развитии военно-промышленного комплекса сыграл директор шведских военных заводов, монополист и олигарх фламандец Луис де Геер, получивший в 1619 году привилегию на разработку месторождений железных и медных руд. Его заводы производили львиную долю вооружения для шведских армии и флота. Ранее бедная и экономически отсталая Швеция в 30-е годы становится европейским монополистом в производстве меди и наращивает экспорт высококачественного чугуна, стали и оружия.

В войне 1621 – 1629 годов приняла активное участие многочисленная шведская артиллерия. В этот период она первой в Европе получила регулярную организацию, в то время как во многих европейских армиях артиллерийское дело еще являлось «цеховым ремеслом» «вольных артиллерийских рот». Густав Адольф запретил нанимать в артиллерию гражданских лиц и сформировал, обучил и дисциплинировал подразделения канониров..

К 1623 году было сформировано 6 первых полевых артиллерийских рот. Артиллерия объединялась в городские, гарнизонные и полевые роты насчитывавших несколько сот орудий. Но большую часть этого огромного арсенала составляла стационарная артиллерия крупного калибра, защищавшая важнейшие города, крепости и морские порты. В действующей армии в Пруссии насчитывалось к началу войны 70-80 полевых орудий (8-10 рот), в Лифляндии – до 40 (6 -7 рот).

Штат артиллерийской роты состоял из капитана, лейтенанта, фенриха (прапорщика), 2

штык-юнкеров (молодых дворян, обучающихся в армии артиллерийскому делу), 2 сержантов, 8 констапелей (старших канониров), 10 их учеников и 16 гантлангеров (помощников), в переводе с немецкого - «длиннорукие». Расчет 6-12 фунтового орудия обычно состоял из строевых - констапеля, его ученика, двух гантлангеров и 12-16 нестроевых - ездových и гантверкеров (в переводе «рукодельных»), выполнявших обязанности тягловцев орудий и хозяйственной obsługi.

Набирался личный состав по вербовке и по рекрутскому набору. Густав Адольф первым дал артиллеристам оружие. Канониры были вооружены мушкетами и шпагами, гантлангеры – также мушкетами, а констапель – протазаном, на который наматывался фитиль – пальник, и медной пороховницей на кожаной перевязи.

Именно сильная шведская осадная артиллерия (до 60 орудий) заставила в сентябре 1621 году капитулировать Ригу, вскоре без боя сдалась сильная крепость Митава. В войне 1626-1629 годов более-менее значительную роль шведской артиллерии пришлось сыграть всего несколько раз – при Меве (1626), Диршау (1627), Латарнии (1628) и при обороне Мариенбурга, Штума и Монтауэр-Шпица (1629). В Лифляндии, где главную роль играли небольшие отряды кавалерии, роль артиллерии проявилась еще менее. Там она также, как и в Пруссии, применялась преимущественно для обороны крепостей, которые войска Великого Княжества Литовского не пытались штурмовать.

В экспедиционном корпусе, высадившемся в Пруссии в конце июня 1626 года, к осени числилось свыше 70 разнокалиберных орудий (31 - 24-фн (152-мм) картауна, 6 - 16-фн (137-мм) «нотшлангов», 12 – 12-фн (120-мм) полукартауны, 4 – 6-фн (96-мм) «октавы», 16 – 12-24 фн (120-152-мм) осадных орудий, 5 мортир (Напомним, что калибр орудий определялся от веса чугунных ядер – например, ядро весом 3 фунта (около 1 200 грамм) подходило под канал ствола калибром 76 мм (3 дюйма), 6 фунтов – 152 мм и т.д.)

Как явствует из этого перечня, Густав Адольф готовился к осадам мощных прусских крепостей, которых по большому счету не произошло, - они повсеместно сдавались без боя. Более того, в руки шведов практически невредимыми попали два из трех главных арсеналов Королевства Польского, в Мариенбурге и Путциге (третий подобный размещался в столичном Кракове) - с литейными дворами и мастерскими, большим количеством пушек, мортир и фальконетов, запасов чугуна, железа, меди, свинца, пороха, селитры, ядер и гранат, снастки, канатов, специальной древесины для лафетов, вооружения и инженерного имущества, а также всем штатом технического персонала, мастеровых и рабочих. Во многих других захваченных прусских городах, крепостях и замках также имелось значительное количество артиллерийских орудий, а также пороховые и литейные производства.

В начале данной войны в составе шведской артиллерии не было ни знаменитых легких полковых 3-4-фунтовых, ни так называемых «кожаных» пушек. Первые (вес 450 кг, длина 16 калибров) появятся только в конце войны, вторые (вес 50-60 кг) – в 1627 году.

Так как в сражении при Меве преобладала скорее тяжелая и осадная, чем полевая артиллерия, то маневренность орудий на поле боя оставляла желать много лучшего (хотя показала она себя в битве неплохо. Обычно называется цифра в 74 орудия, но автору она представляется весьма сомнительной. Доставить и развернуть на пятачке шведского 14-тысячного лагеря у Вислы площадью километр на полтора даже к третьему сражению у Меве такое количество артиллерии, требующей огромного обоза и массы фуража, шведам было явно не под силу. Здесь можно только предположить, что вышеприведенное число пушек является общим для всей шведской армии в Королевской Пруссии.

В другом большом сражении при Диршау в шведском войске было всего 18 орудий, в походе на Грауденц и Страсбург – 20, при Гуржно – 6, при Тшцяне 20, из них 10 «кожаных». Значительного увеличения артиллерии в действующей армии в течение войны не произошло.

Почему? Что мешало шведам при таком количестве пушек смести поляков морем огня? Дело в том, что артиллерия того времени нуждалась в огромном обозе. Так, одно полевое 6-фунтовое орудие («фельдшланг») требовало запряжку из 6-8 лошадей и 3 запряженных четверкой артиллерийские палубы под 8-дневный запас ядер и пороха. Одна картауна

соответственно – 15 лошадей под ствол и лафет и 14 палуб под тот же запас ядер и пороха, которые вез уже целый табун из 56 лошадей.

Опять так и напрашивается сравнение с будущими временами: ведь для того, чтобы во вторую мировую с надеждой на успех бросить в наступление танковые дивизии и корпуса, нужно было эффективно поддержать их мотопехотой, артиллерией, авиацией, инженерными войсками и службами тыла.

Для Густава Адольфа, любившего быстрые внезапные удары, взять в дальний поход много артиллерии и боезапаса означало собирать и огромные обозы, пойдя тем самым на риск потери быстроты, маневренности и в конечном счете - на риск утраты самой артиллерии из-за падежа лошадей от бескормицы и изнурения, что чуть было и не случилось в голодном тяжелом походе осенью-зимой 1628 года. На войне много техники – не всегда залог успеха.

В набег на военно-морскую базу Вейсельмюнде (Вислоуйсьце) Густав взял с собой при двух картаунах и 6 «кожаных» пушках всего две артиллерийских палубы. В бою с польской эскадрой шведы сумели потопить два и повредить три неприятельских корабля (при этом король лично наводил орудие.)

Заслугой Густава Адольфа в Тридцатилетнюю войну была классификация артиллерии по ее назначению, сказать по-современному, - на «корпусную» (24-фн), двигавшуюся отдельно от армии и стоявшую на флангах и впереди боевого порядка, «дивизионную» (6-12-фн), сопровождавшую войска, «полковую» (3-4-фн), придававшуюся по 2 орудия пехотным полкам, и «батальонную» («кожаные» пушки), но эта структура и полковые артсистемы в описываемую эпоху еще не была принята.

Зато к началу и в ходе войны 1625-1629 годов были приняты следующие технические новшества, улучшившие эксплуатацию орудий, результаты стрельбы, подвижность и маневренность:

- вставной лафетный железный ящик с зарядами;
- винтовой механизм вертикальной наводки вместо прежних клиньев и подушек;
- деревянное правило для горизонтальной наводки, вставляемое в хобот орудия;
- передки усовершенствованной конструкции, при этом диаметр колес передка был меньше, чем колес лафета, что повышало маневренность и проходимость;
- дышлово-пароконные запряжки вместо оглобель;
- готовые картузы и подобие единого картечного патрона.

О взаимодействии родов войск сказано выше. В отличие от противника, шведские артиллеристы в бою умели управлять огнем, производить маневр орудиями и эффективно поражать невидимые цели с закрытых позиций, применяя баллистические расчеты. Так, во второй день сражения при Диршау сосредоточенный огонь тяжелых орудий ядрами и гранатами по польскому лагерю, располагавшемуся за лесом на расстоянии 3 километров от их позиций, привел войска Конецпольского в полное смятение, и от сокрушительного поражения их спасло только ранение короля Густава. В боях с поляками и литвинами, где их главным противником была кавалерия, шведы чаще применяли картечь.

Именно в этой войне шведы при осаде Вормдита в октябре 1627 года применили «кожаные» пушки системы полковника Мельхиора Вурмбрандта, представлявшие собой обшитые толстой буйволово-кожей и стянутые стальными цапфами тонкостенные медные стволы весом всего 50-60 кг, перемещавшиеся на поле двумя артиллеристами, а в походе конным вьюком. Однако испытания боевой практикой они не прошли – живучесть их оказалась низкой (в среднем давали 8-10 выстрелов), часты были разрывы стволов порохом от нагрузки и перегрева, ранившие и убивавшие канониров (что тоже не прибавляло системе популярности.) Стрельбу на малое расстояние можно было вести лишь каменной или свинцовой картечью, в отдельных случаях стреляли ядрами. Недостатков у сверхлегких пушек оказалось больше, чем достоинств. После битвы при Брейтенфельде в 1631 году «кожанки» окончательно сняли с вооружения.

В 1629 году на вооружение была принята массовая 3-фунтовая чугунная тонкостенная

легкая полковая пушка, стоившая в 10 раз меньше медной, снабженная готовыми зарядами и способная производить 6 картечных выстрелов в минуту, но в сражениях данной войны ее применить не успели.

Одним из реформаторов и организаторов новой шведской артиллерии наряду с Густавом Адольфом являлся молодой 26-летний полковник Леннарт Торстенссон, будущий фельдмаршал.

Фортификация, осады, инженерные войска

Первой успешной проверкой возможностей осады штурма сильных крепостей стала Рига. Сама осада продолжалась на удивление быстро - с 12 августа по 15 сентября 1621 года. Силами 17 тысяч солдат и рабочих были в соответствии с новейшими методами военной науки быстро возведены контрвалационная и циркумвалационная линии с 14 бастионами, редуты с батареями на островах и левом берегу Дюны. Пытаясь привить солдатам понимание важности окопных работ, король показывал им личный пример с лопатой в руках. Автором плана осады и штурма города являлся баварский инженер Крайль фон Бамберг, перед тем два года руководивший модернизацией укреплений Риги и после того перекупленный на службу Густаву.

На главном северном участке штурма, у Песчаных ворот, велась минная и контрминная война силами отряда опытных далекарлийских саперов-рудокопов из полка Оксиеншерны. Применялись такие методы осады, и штурма, как прокладка траншей параллелей, возведение блоказов, прокладка минных туннелей, отведение воды из рвов, петарды на колесных тележках, фашины и туры на колесах, штурмовые крытые мостики на тросах и блоках, ручные гранаты. Применялся сосредоточенный огонь батарей по ключевой Песчаной башне, в результате его ее толстые стены были разрушены, велась многодневная террористическая бомбардировка города из 60 осадных орудий с целью вынудить население и магистрат к капитуляции. Было налажено взаимодействие с речной флотилией. В итоге после неудачной попытки деблокады литовскими войсками гетмана Радзивилла, после трех штурмов и под угрозой взрыва мин и захвата города с последующим разграблением магистрат, исчерпав возможности к сопротивлению, принял предложение о почетной капитуляции и принес присягу королю Швеции.

В 1623 году в шведской армии образована первая рота минеров (саперов). Входила она в состав артиллерии и подчинялась генерал-фельдцейхмейстеру, включая в свой состав капитана и 30 минеров и унтер-минеров. Образованная в том же году инженерная рота подчинялась генерал-квартирмейстеру и включала 10-20 офицеров и до 200 специалистов, мастеровых и рабочих.

В обязанности военных инженеров входило оборудование лагерей и позиций, фортификационные работы по укреплению крепостей, возведение разнообразных мостов (понтонных, на лодках, на бочках, цепях и тросах, на сваях), из которых главными были мосты через реку Вислу у Диршау, у Меве и Данцигер-Гаупта, а также прокладка дорог к лагерям.

Несмотря на разнообразный штат специалистов и рабочих, все свершения шведских саперов и инженеров были бы невозможны без привлечения к работам шведских и финских пехотинцев, привычных управляться с топором и лопатой не хуже, чем с мушкетом и пикой, и нанятого или согнанного насильно местного населения. Многие саперы набирались из рудокопов.

Шведская пехота возводила полевые редуты и переправы необычайно быстро. Перед битвой при Гуржно эскадрон финских мушкетеров из Бьернеборгского полка Лилиехука за одну зимнюю ночь построил из подручного леса надежный мост через реку Брыница. (В то же время в польской и европейских армиях солдаты копать землю и строить мосты не любили и этих для работ часто нанимали крестьян.)

Часто применялся такой прием — при переправах через реки рейтары брали за спину

пехотинцев и быстро перебрасывали всю пехоту без всяких мостов на спинах лошадей.

За три года войны, совершенствуя сильные местные города и замки, укрепив их своей и трофейной артиллерией, шведская армия сумела создать неприступную оборонительную систему как на лифляндском, так и на прусском плацдармах. Средневековые крепости, неустойчивые против артиллерии, шведы стремились окружать редутами с пехотой и пушками. Только вокруг Мариенбурга было возведено еще 11 полевых укреплений-блокгаузов. Поэтому попытка польско-австрийских сил подступиться к Мариенбургу, Штуму, Монтауэр-Шпицу летом 1629 года потерпела провал. В итоге это принесло Швеции мир на выгодных для нее условиях.

В то же время сами шведы в этой войне не столь часто осаждали крепости, и при этом осада никогда не была слишком долгой.

Во всякой войне бывают свои курьезы, но самым курьезным в этой войне стало взятие Эльбинга. В июле 1626 года, при подходе войск Густава Адольфа, южная часть богатого прусского города и порта Эльбинга (Нове Место, Нойенбург), нобилитет которого был настроен прошведски, открыла королю ворота сразу. Магистрат северной заречной части Эльбинга (Старе Место, Альтенбург), находившийся в давнем соперничестве с Нойенбургом и настроенный пропольски, вступил с шведами в переговоры, затягивая время до прибытия подмоги поляков. Бургомистр, прибывший к королю, не добился от него желаемой отсрочки капитуляции и отправился восвояси. Однако при этом сопровождать его «любезно» взялся сам Густав с небольшой свитой офицеров. Преспокойно въехав собственной королевской персоной вместе с отцом города в открытые ворота, браваый завоеватель «нахрапом» овладел крепостью без единого выстрела...

Взятие через пять дней сильнейшей прусской твердыни, бывшей орденой столицы Мариенбурга (Мальборка) прошло также весьма интересно. Гарнизон города составляли 300 польских гайдуков и избранцев, 150 вооруженных бюргеров и 60 мобилизованных на крепостные работы крестьян. Это было не так уж мало, ведь Мариенбург — мощная крепость, которую несколько сот защитников могли бы оборонять против многих тысяч осаждающих.

Однако при подходе войска Густава Адольфа магистрат и мещане сразу отворили ворота, а городские пушкари, получив приказ польского коменданта Пенцлавского стрелять по шведам, вместо этого принялись обстреливать цитадель, где укрылись польские солдаты, подбив в ней несколько орудий. У многих замковых пушек оказались негодными сгнившие лафеты, и после первых выстрелов они просели. Оборона самой сильной крепости Королевской Пруссии оказалась недолгой - шведы взломали ворота цитадели, остатки гарнизона разбежались или сдались.

При взятии крепостей шведы применяли метод окопной осады, заключающийся в том, что артиллерия (для которой устраивалась «траншея - «параллель»» в 200 метрах от стены), пробивает бреши или разбивает ворота, пехота укрывается в вырытых у стен траншеях и устроенных редутах и штурмует проломы, прикрываясь фашинами и корзинами с землей, катимых на колесах, инженеры прокладывают крытые или подземные сапы-подкопы для закладки мин (петард), применялись петарды на колесных тележках.

Подведя минные галереи, шведские саперы подорвали ворота Вормдитта в октябре 1627 года. При осаде Страсбурга осенью 1628 года – взорвали стену и вынудили коменданта к капитуляции. По обычаю того времени, гарнизон имел право на капитуляцию (чаще всего означавшую свободный выход к своим с оружием, со знаменами или без оных), только в случае пролома противником стены, - если не имел особого приказа сражаться до последнего. При штурме Торна в феврале 1629 года шведы, имевшие мало пороха для подрывных петард, потерпели неудачу – двое тройных ворот города с рвами и подъемными мостами оказались им не под силу, а сожженные предместья и отсутствие провианта не позволили вести долгую осаду.

Характерно, что главную цель войны – Данциг, король Густав осаждал войском с сухопутья за три летних кампании так и не решился. Видимо, хорошо понимая, насколько

надежно защищают баснословно богатый 44-тысячный торгово-промышленный город 4-тысячный гарнизон наемников, польский флот, бюргерское ополчение, крепостные стены и форты, а также разливы реки и болота вислинской дельты (сухопутье там было довольно условное.)

Интересно, что проблему энергичный шведский король пытался решить инженерным методом, приказав войскам и мобилизованным крестьянам... запрудить Вислу, чтобы весь ее поток направить в восточный речной рукав и оставить город, стоящий на западном рукаве, без воды. Попытка возведения плотины не удалась – ее размывила река и дожди (прочем, Данный проект отнюдь не являлся такой уж авантюрой, - в 1577 году запрудить Вислу и таким образом вынудить город к капитуляции удалось войску воевавшего с Данцигом польского короля Стефана Батория.

Потери

Удивительно, но боевые безвозвратные потери шведской пехоты и кавалерии почти во всех больших и малых баталиях войны в Пруссии и Лифляндии были очень незначительны, а некоторые даже могут не заслуживать упоминания. Так, до 100 человек убитыми и ранеными было потеряно в трех сражениях при Меве, несколько десятков при Диршау и Гуржно. В ряде локальных боев соотношение потерь с потерями противника составляло один к десяти, к тридцати и даже к ста! В сражении при Вальгофе, если верить показаниям самого короля Густава, шведы вообще не имели убитых, а литвины потеряли от 700 до 1 000 человек убитыми и 200 пленными! Лишь в проигранной битве при Тшцяне (Хонигфельд) безвозвратный урон королевской армии простирался до 600 человек. В то же время напомним, что в страшном побоище при Кирхгольме в сентябре 1605 года шведское войско короля Карла, отца Густава Адольфа, потеряли только убитыми, по разным оценкам, от 6 до 9 тысяч.

Но то, что сберегли в бою, потеряли вдесятеро в гарнизонных сидениях. Основной урон шведская армия понесла от куда более грозного противника, чем поляки, литовцы и казаки, вместе взятые, - от общеевропейской пандемии «итальянской» чумы, буквально косившей население Пруссии и Лифляндии вместе с противоборствовавшими там армиями до войны, во время нее и после нее. Про короля Густава зло шутили, что он решился на сражение при Вальгофе затем, чтобы его солдаты напрасно не мерли от чумы.

Велики были потери и от других болезней и эпидемий, например от тифа, а также голода, холода и лишений, нетипичного для шведской армии дезертирства, особенно в походах на Страсбург осенью 1628-го и в феврале 1629 годов. Тогда при отступлении на зимние квартиры шведам сильно досаждала летучая польская конница, изрядно пощипавшая их ряды.

Зимой 1621/22 годов шведская армия в разоренной Лифляндии потеряла от голода, холода и болезней, по разным оценкам от 50 до 75 % . Зимой 1626/27 годов шведская пехота, сидя в прусских крепостях, потеряла умершими от чумы и других болезней 35% своего состава, иностранные наемники — 20%, кавалерия столько же ,то есть во много раз больше, чем во всех сражениях, вместе взятых.

Огромные небоевые потери несли войска и в последующие периоды войны, к концу которой «черная смерть» грозила истребить воюющие армии. Именно чума, а не преимущество какой-либо стороны в значительной степени побудила противников к скорейшему заключению мира.

Воспитание и дисциплина

Говоря о преимуществах передовой шведской тактики, нельзя упускать из виду и вопрос о преимуществах внедряемой Густавом Адольфом новой системы дисциплины и воспитания войск. Коснувшись морального фактора, отметим необычайную стойкость и

упорство солдат Густава Адольфа.

За всю войну шведская пехота почти ни разу не была смята врагом (правда, в январе 1628 года под Трейденом в Лифляндии литовская конница Корфа и Зеновича опрокинула финских рейтар и немецких кирасир отряда Густава Горна и сильно потрепала оставшийся без поддержки кавалерии пеший эскадрон финского Саволакского полка. Однако меньшая половина саволакцев, сохранив строй и отражая атаки, все-таки смогла пробиться к своим.)

Можно сказать, что если в большой «коробке» европейских наемных пехотинцев удерживала прежде всего простая невозможность из нее убежать, то шведского пехотинца в его малой «коробке» - воинский долг и моральный дух.

Не так уж часто уступали поле боя врагу и кавалеристы. При Кроппенхофе в ноябре 1621 года шведы были в равных силах врасплах застигнуты литвинами на стоянке и опрокинуты копейным ударом гусар. При Тшцяне в июне 1629 года шведская конница дважды была опрокинута, дважды соединяясь вновь, и в третьей решающей схватке отступила, прикрываясь контратаками.

О финских рейтарах один французский наемник повествовал так: «Эти способны грызть железо! Люди они невысокие, но необычайно храбрые и выносливые. Того, кто поворачивается спиной к врагу, они не считают более сыном своей родины...»

Воспитанию солдата в строительстве армии нового типа король-реформатор отводил не меньшую роль, чем ее обучению и снабжению. Солдат держали в рамках железной дисциплины, за ее нарушения написанный Густавом дисциплинарный устав, который каждый командир обязан был зачитывать солдатам раз в месяц, предусматривал поистине драконовские наказания. Это было вполне объяснимо: в армию разом взяли огромное количество необученных рекрутов, дезертирство среди которых поначалу было очень высоким, а также маргиналов, преступников, западных наемников, привычных к грабежам и насилиям. Устав предусматривал легкие и тяжелые физические наказания, легкие и тяжелые наказания воинской чести, смертную казнь различными способами.

Именно в шведском войске впервые в истории был введен «прогон сквозь строй», - по сути мучительная и медленная смертная казнь, которую король оправдывал тем, что-де «рука палача бесчестит солдата, а от своих же товарищей палки и шпидерутены принять не позорно.» Если пойманного иноземного наемника-дезертира полагалось лишь изгнать из лагеря, под барабанный бой объявив перед строем «бесчестным», то шведа и финна за то же самое могли засечь, повесить, колесовать и даже вырвать у него сердце. Понятно, что желающих испытать эти меры на себе находилось немного. Наказания могли быть и коллективными. Полкам и ротам, выказавшим непослушание или дрогнувшим перед противником, по древнеримскому обычаю, вошедшему в шведский дисциплинарный устав, грозила децимация — то есть казнь каждого десятого по жребию (за всю войну эта мера ни разу не применялась.)

Вместе с тем Густав Адольф стремился, чтобы ему служили не только за страх, но и за совесть. В то время как в Европе ландскнехт-наемник считался кем-то вроде разбойника, низким злодеем, ремесло которого убивать людей за деньги, от которого мирным людям не следует ждать добра, то шведский король, командиры и армейские пасторы внушали своим солдатам, что они - достойные всяческого уважения воины, те, кому выпал почетный жребий сражаться и умирать на поле чести в защиту трона своего любимого монарха, в защиту Отечества, за истинную протестантскую веру и свободу народов от их угнетателей - имперцев и «папистов».

За отличие на бранном поприще обещались не только слава и награды, но и спасение души, царствие небесное. При этом церковь внушала, что грех убийства на войне падает не на солдата, а на отдавшего приказ начальника. От солдат требовали ежедневного троекратного посещения церкви или полевых служб. Традицией шведской армии было пение хоралов перед боем (чаще всего пели псалом «Наш Бог — наш могучий оплот»). Слитный звук хора из тысяч голосов, среди которых гремел и красивый королевский бас, воодушевлял войска и наводил смятение на врагов.

Борясь с закоренелыми пороками ландскнехтов, Густав Адольф прививал солдатам лютеранские добродетели, требуя не только посещения кирхи, но и лояльного отношения к мирному, в основном протестантскому населению занятой территории, уважения его прав собственности. Преследовались мародерство и самовольные реквизиции и фуражировки, пьянство, драки, азартные игры, сквернословие и разврат с обозными блудницами, - в этой в общем-то не всегда успешной деятельности сильно помогали постоянные строевые занятия, окопные работы и караулы.

Надо сказать, в отношении именно шведо-финского контингента семена падали на благодатную почву. Хотя в армию попадали далеко не всегда лучшие члены общества, следует заметить, что в те времена крестьянство Швеции и Финляндии, в основном поставлявшее солдат, было мало знакомо с крепким алкоголем (даже пиво ставили редко), пасторы имели большое влияние, грешники строго осуждались и отвергались обществом, а дверей в домах за отсутствием воров обычно не запирали. Так что, надо признать: именно после поступления в армию короля подавляющее большинство шведских «симплициссимусов» учились «пить, курить и говорить», брать чужое, водиться с нехорошими женщинами, не говоря уж о том, что убивать людей.

Влияли на дисциплину также и земляческая спайка солдат, живших одной ротной семьей и ведущих совместное артельное хозяйство. Что касается семьи, то солдат на войне могли сопровождать их законные (и незаконные) жены и даже дети. Женщины играли роль «службы тыла», выступая в качестве маркитанток, прачек, поварих, сестер милосердия, служанок офицерских жен и любовниц и пр., а иногда и в нескольких этих ипостасях. Как указывалось выше, в шведское войско набирали даже цыган, и в обозной колонне можно было увидеть их колоритных жен в цветных лохмотьях, монистах, с трубкой в зубах и пистолетами за поясом, уверенно правящих семейной пароконной повозкой.

Наряду с дисциплинарными применялись и нетрадиционные меры морального воздействия. Так, однажды в Германии король наказал финских рейтар полка Стольхандске, которые сняли на походе кирасы, лишением их полковых барабанов и вернул им инструменты только после геройских отличий в сражении при Брейтенфельде.

Не скупилась, когда надо, не только на «кнуты», но и на «пряники». Как и в католических армиях, перед сражением или штурмом солдатам в награду обещался в добычу неприятельский лагерь или город. После взятия Нойенбурга в Королевской Пруссии в 1628 году шведский отряд в 1 000 человек поделил меж собой три бочки золота. В 1631 году после победоносного штурма считавшейся неприступной и сказочно богатой главной католической твердыни, монастыря Мариенбург у Вюрцбурга на Майне, взявшие ее солдаты сыпали золото и серебро в каски и шляпы. Очевидец, придворный, дипломат и летописец Сальвиус писал: «Не было того, кто не справил бы себе нового платья... корова в шведском лагере стала стоить один риксдалер, а баран – несколько стюверов.»

Жалованье в шведской армии старались всегда выплачивалось вовремя, а при введении в Швеции в 1628 году в обращение медных денег, вызвавшем инфляцию, иноземным наемникам продолжали платить серебром - во избежание их недовольства.

Регламентировались взимание контрибуций с населения и фуражировки, которые положено было проводить только под командой офицера. Для «кормления» каждому полку выделялись свои деревни и местности. Все взятое делилось с выделением определенной доли королю, офицерам и солдатам.

Однако, как и позднее в Германии, длительная война в Пруссии и Лифляндии изрядно разложила шведскую армию, вступившую в нее в ореоле дисциплинированных протестантских воинов, а в конце ее погрязшей в мародерствах и насилиях (конечно, не без пагубного влияния пополнявших армию иноземных наемников, к концу Тридцатилетней войны составлявших в ней 92 процента.

Духа армии нет без влияния личности полководца. Густав Адольф, прозванный солдатами за цвет светло-рыжих волос «Золотым королем», а в народе - «Зимний король», за то, что гостил дома только зимой, а остальное время воевал на чужбине, а в Европе –

«Северным львом», имел не только полководческий дар и государственный ум, но и ореол непобедимости. О нем слагали легенды. Его личная храбрость и чудесная неуязвимость в бою, физическая сила в сочетании с интеллектом и обширным образованием, справедливость и забота о простом солдате, благочестие и способности оратора (он мог обратиться к любому воину многонациональной шведской армии и даже к пленному на его языке), создали ему огромный авторитет и снискали уважение и любовь армии.

Перед каждой битвой Густав лично объезжал ряды войска, ободря и воодушевляя солдат и офицеров, внушая каждому полку, что именно ему он отводит решающую роль в сражении, надеясь на его храбрость и воинское мастерство.

Четырежды в этой войне короля спасали от смерти его солдаты и офицеры, порой ценой собственной жизни. Широко стал известен случай, когда слишком близко подскакавший к противнику при рекогносцировке Густав Адольф оказался в окружении казаков, еще не догадавшихся, кто он. Один финский рейтар, закричав товарищам: «Все сюда, спасайте брата моего!» (чтобы не раскрыть противнику, кого нужно спасать), подоспел и защитил Густава от сабельного удара, подставив свой пистолет. Спасенный рейтарами король, в ходе продолжающейся схватки с помощью своих драбантов уже сам выручил от смерти того рейтара, после боя с удовлетворением заметив: «Ну вот и я тоже спас брата моего!» После боя «названному брату короля», крестьянскому сыну рейтару Партайнену были высочайше пожалованы дворянский герб и новая фамилия Пистолькорс («скрещенный пистолет»), представители которой отмечены в военной истории Швеции и России. Как подобные истории влияли на авторитет короля-полководца, пояснять не нужно.

Солдаты верили, что его бережет магическая сила, - якобы на пальце он носит стальное кольцо, врученное ему какой-то финской ведьмой (по более романтической версии, красавицей-финляндкой, любовью к которой юный Густав Адольф пожертвовал ради трона). И пока оберег при нем, ему не страшны ни железо, ни свинец, ни огонь, ни вода. По той же легенде, король снял волшебное кольцо перед сражением при Диршау и был тяжело ранен, а перед роковой битвой при Летцене его выкрали у него коварные паписты...

Оснащение пехоты

Шведские мушкетеры в ходе этой войны еще не перешли на облегченные укороченные мушкеты с кремнево-ударными замками и бумажные патроны в сумках. Они продолжая использовать мушкеты с фитильным замком и вилки для их упора, кожаные бандольеры-португеи через плечо с висящими на них 12 деревянными футлярами-мерками пороховых зарядов, (прозванными солдатами «апостолами»), пороховницей, огнивом, мешочками для пороха и пуль, мотком фитиля.

В 1592 году на вооружение был принят т.н. «полный» мушкет голландского производства весом 7,5 кг и калибром 21,7 мм, в 1599 году — голландский же облегченный «полумушкет» весом 6,5 кг и калибром 19,7 мм. Позднее, в 1620-30 годы, в Швеции на фабрике в Йенчепинге было освоено по иностранным образцам массовое производство еще более легких и малокалиберных типов мушкетов: весом 4,1 кг, калибром 20 мм и длиной 115 см; весом 6,4 кг, калибром 19,1 мм и длиной 114 см.

Как видно из данного перечня, в шведской армии, применявшей к тому же трофейное оружие, существовал большой разбой калибров, но большой проблемы это не создавало, так как любой мушкетер мог заготовить для себя достаточный запас пуль с помощью простой в производстве пулелейки.

Данный комплект вооружения было достаточно весомым (почему мушкетеры и не носили кирас), и требовал в обращении с ним определенной сноровки. Однако, несмотря на отсутствие батарейного замка и готовых патронов, в результате тренировок он обеспечивал неплохую скорость и надежность стрельбы при наличии хорошего простого замка, сухого пороха и фитиля. Так как всякий раз зажигать его в бою своим огнивом было сложно, горящий фитиль всегда был наготове у каждого капрала.

Что же до пресловутого «облегченного мушкета с батарейным замком и готовыми бумажными патронами», принятие на вооружение которого иногда приписывается исключительно Густаву Адольфу, то производство первых таких мушкетов весом 4 кг, калибром 19,6 мм и длиной 118 см началось на заводах де Геера только в 1631 году и их появление впервые отмечено в шведской армии в Германии только в 1632 году (кстати, польская пехота применяла готовые патроны с начала войны 1625-1629 годов.)

При этом мушкеты с фитильными замками, вилки и бандольеры и после этого долгое время не были сняты в Швеции с вооружения. Так, Стокгольмский арсенал производил большое количество бандольеров вплоть до 1670 года, вилок — до 1645 года.

Мушкетеры носили каски и шлемы разных типов (морион, кабассет, «горшок», «шведский» и др.) или широкополую шляпу, иногда со стальным защитным каскетом, в качестве холодного оружия шпагу с медным эфесом длиной 90 см или тесак на поясной портупее.

Пикинеры были вооружены пиками длиной 5,2 метра, диаметром до 3,5 см и лезвием от 50 до 100 см. При Густаве усовершенствовали пехотную пику, укоротив ее и оковав железом, чтобы ее нельзя было перерубить саблей.

В 1621 году шведские пикинеры применили против конницы каждый по две носимых пики, короткую и длинную, наклонно втыкаемые в землю. С 1625 года на вооружение пехоты поступают короткие пики, так называемые «свиные перья». Они были снабжены крюком, который позволял составлять пики в «рогатки» против кавалерии (так называемые «испанские наездники») и вести из-за них огонь.

Пехотинцев вооружали шпагой или тесаком, которыми они действовали в ближнем рукопашном бою. Кроме шлема, пикинеры имели нагрудную или двойную кирасу с «юбкой» или набедренниками, иногда также коническую горжу («краген») для защиты шеи и плеч. При отсутствии кирас носили колеты толстой буйволобой или лосиной кожи, с рукавами и без.

Пехотные офицеры имели шпаги, качество стали и отделка которых зависели от возможностей их владельца, эспонтоны (полупики с характерным широким фигурным лезвием и кистью). Носили на поясе или через плечо особый отличительный шелковый шарф (чаще желтый или синий, но на портретах и изображениях встречаются и красный и белый, и другие цвета). На шее - особый позолоченный или посеребренный чеканный знак, - горжет («динсткраген», «полумесяц»), рудимент детали средневекового защитного доспеха. Наравне со шпагой и шпорами шарф и знак были почетными атрибутами офицерского достоинства, - при производстве в чин их вручали ритуально.

Унтер-офицеры у мушкетеров имели протазаны (полупики с крестообразной перекладной лезвием), у пикинеров — пики. Это древковое оружие командиры использовали и в бою, и для равнения рядов, и для ободрения оробелых, и для подачи сигналов. Кстати, при Хаммерштейне немецкие наемники шведской армии подали противнику весть о намерении вступить в переговоры о капитуляции, подняв каски на пики.

В некоторых провинциальных полках по бедности носили вместо шпаг и тесаков неуставные топоры (каковыми, кстати, шведские и финские крестьяне по своему владели не хуже, чем дворяне шпагой, к тому же и в армейском быту от этого инструмента было куда больше пользы.) Только с 1630 года унифицированные пехотные шпаги стали поставляться из шведских заводов в армию централизованно.

Шведская армия, как и польско-литовская, имела также лучников — по некоторым данным, только в Пруссии луками были вооружены до 3 тысяч человек. Судя по немецким иллюстрациям Тридцатилетней войны, этим архаическим, но эффективным в умелых руках оружием были оснащены главным образом лапландцы, шотландцы и ирландцы.

Оснащение кавалерии

Оснащение довольно бедной во всех отношениях шведской кавалерии в начале войны

оставляло много желать, но в ходе ее существенно улучшилось.

Шведские и чаще немецкие кирасиры имели трехчетвертной (без защиты голени) или половинчатый (без защиты бедра) черненный доспех. За счет избавления от веса прочих элементов доспехов утолщалась нагрудная кираса, чтобы лучше держать попадания пуль (вопрос о том, в какой мере доспехи какой толщины держали какие пули, нам придется отложить для отдельного разговора.) Одевалась кираса поверх колета буйволово́й кожи, в 30-е годы стала часто употребляться также кожа лосиная. Длинные толстой кожи плохо гнущиеся сапоги, или сплошные, или на пуговицах и застежках, с раструбами (куда рейтары часто засовывали дополнительную пару пистолетов) также исполняли определенную защитную функцию. Походные сапоги, цельные и на шнуровке и на пуговицах, были тоньше, мягче и легче.

Голову кирасира защищали «армэ», почти полностью закрытый рыцарский шлем с забралом, или полузакрытый шлем польско-венгерского типа («гельмет»), у рейтар чаще встречались «морион», «кабассет», «горшок», «шведский» и др. Единообразия не было: в зависимости от части и обстоятельств войны тяжелый кавалерист мог выглядеть и одетым в железо рыцарем средневековья, а мог носить и одну легкую кирасу.

Вооружение кирасир и рейтар составляли длинная шпага, палаш или кавалерийский меч-ройтшверт с дырчатой гардой и S-образным перекрестьем, длиной более метра, по два колесцовых пистолета в деревянных или кожаных ольстрах, лядунка.

Рейтары, которых по оснащению и предназначению скорее можно классифицировать как легкую кавалерию, носили шлемы разных типов, в основном «шведский», «горшок», «кабассет», «морион» или желтые фетровые и пуховые шляпы по тогдашней моде с полой, загнутой назад у лба, с плюмажем из перьев, иногда с оторочкой из лосиной кожи, обычно оснащенные стальным каскетом, половинчатую двойную или одинарную кирасу поверх колета.

Одним колетом, а часто и одним кафтаном или дублетом обходились в рейдах, фуражировках, в летнее жаркое время и в самом конце войны, когда польская кавалерия перестала внушать боязнь. Особенно этим отличались финские рейтары, которые часто носили только нагрудные кирасы, - не только по бедности, но и потому, что считалось, что храбрые финны не поворачиваются спиной к врагу. На маршах, особенно в летний зной, не предвидя опасности, солдаты сдавали кирасы и шлемы в обоз.

Имели рейтары по паре пистолетов в деревянных или кожаных ольстрах, длинные шпаги или кавалерийские мечи, которые они в войне с поляками и в последующем походе в Германию нередко заменяли на отличные трофейные сабли, ценя их за рубящий эффект. Наблюдатели отмечали, что финны носили на поясе точильные круги, на которых перед боем в качестве своеобразного ритуала дружно оттачивали до бритвенной остроты свои мечи. Постоянно висящий на поясе национальный финский нож в кожаных или берестяных ножнах применялся как в быту, так и в бою, являясь как бы продолжением руки «суомалайнена».

Немецкие наемные аркебузиры, оснащенные и вооруженные примерно сходным кирасирам и рейтарам образом, помимо пистолетов, шпаг, палашей или мечей, имели укороченные мушкеты или карабины с более удобным для стрельбы с коня колесцовым замком и лядункой с готовыми патронами вместо бандольера, к поясу крепились натруска и мешочек для пуль. Мушкеты или носились на кожаных панталерах через плечо на кольце или скобе, или крепились к седлу, или носились за спиной на ремне.

В целом в шведской кавалерии отличия кирасир, рейтар и аркебузир в вооружении и защитных доспехах варьировались незначительно и во многом зависели от финансовых условий формирования и снабжения частей, потерь и взятых трофеев, а также военных обстоятельств. Ветеран Тридцатилетней войны, офицер шведской армии шотландец Джеймс Тернер так отмечал постоянное облегчение тяжелой кавалерии в ходе продвижения по Германии: «Сейчас вместо кирасир мы имеем аркебузир, вместо аркебузир - рейтар, оснащенных наступательно, без кирас...»

Перед войной и в ходе нее казна и владельцы мыз далеко не всегда могли обеспечивать оснащение кавалеристов дорогостоящими доспехами. Так, по итогам смотра 1623 года в 12 финских рейтарских ротах (всего 1 590 человек) некомплект кирас составлял в среднем 45%, а положенной пары пистолетов не имели 10% рейтар.

Драгуны, как и пехотинцы, были вооружены не приспособленными для стрельбы с седла фитильными мушкетами, часто носимыми через плечо, с бандольерами и лялунками, шпагой или палашом, а также полупиками («свиные перья»), которые при действии в пешем строю, в котором они почти всегда и действовали, могли составляться в оборонительные рогатки «испанские всадники», или просто наклонно втыкаться в землю острием к противнику. Драгуны нередко носили шлемы, но не имели кирас (исключая, может быть, офицеров.), носили башмаки с чулками вместо сапог. В оснащение драгуна входил топорик, притороченный к седлу, - кроме использования по боевому и хозяйственному назначению, за него, воткнув в землю, во время остановок для стрельбы привязывали лошадь. За нехваткой лошадей многие роты выступали только пешими.

Знамена

Вексиллография шведской армии того времени представлена в документах и музеях недостаточно, при этом многие полковые знамена и ротные штандарты (корнеты), образцы которых сохранились в шведских и европейских музеях, относятся скорее к периоду 30-х годов, когда Швеция воевала в Германии, а не ко времени войны с Речью Посполитой в 1621- 1622 и 1625- 1629 -х годах.

Какой-либо единой системы в расцветках и символах знамен не было, - они являли поистине фантастическое разнообразие, при этом полковые и ротные цвета и рисунки довольно часто изменялись. Национальные пехотные и конные полки имели очень широкие одноцветные или полосатые ротные знамена (штандарты) из шелка дамасского («адамаска») или китайского («китайки»), атласа или тафты, размером 3 на 4 метра, на которых могли изображаться вышитые или малеванные геральдические символы тех провинций и городов, имена которых полки носили, гербы командиров и шефов, аллегорические героические или библейские картины, изображения Христа, Богородицы, Святого Духа, святого Георгия, поражающего змия, хищных зверей, чаще всего шведских львов, рыцарей, античных героев, корон, королевского вензеля и королевской аббревиатуры GARS, аббревиатуры командиров, а также краткие или латинские или немецкие девизы или изречения.. Каждая рота имела свой штандарт. Штандарт лейб-роты иногда являлся полковым и стал таковым окончательно к концу века. Часто на полк шили знамена одного цвета, но ротные штандарты различались деталями.

Знамя Остготских и Упландских рейтар было красным, Вестготских — зеленым, Смоландских- синим, Седерманландских — синим с желтой бахромой. Ротные штандарты (корнеты) кавалерии были прямоугольными, 50 — 55 см в высоту и 50 - 70 см в длину, или двуххвостыми, и часто декорировались золотым галуном. Драгуны имели двуххвостые знамена 1 метр в высоту и 1,8 метра в длину.

Рота пешей лейб-гвардии имела шелковое синее знамя с шведскими золотыми львами, коронами и лавровым венком, финские рейтары - штандарты разного цвета в каждой роте, шведские кирасиры - черные штандарты с изображениями черепов, увитых цветами, змеями, кинжалами и прочими красотами стиля.

Вербованные пехотные и конные полки могли носить на знаменах дворянские гербы своих командиров (шефов.)

«Цветные» вербованные полки имели знамена соответствующих цветов. У «Желтого» полка — с 1624 года с желтыми и черными полосами, с 1627 года знамя стало полностью желтым, с начала 30-х годов - с белым Андреевским крестом на золотом фоне со звездой с четырьмя кривыми лучами. У «Синего» полка на знамени был сложный рисунок с изображением золотых львов, лилий, стрел, ветвей и «шаховницы» на синем фоне, у

«Красного» - рисунок с белым Андреевским крестом, лилиями и горящими гранатами на красном фоне, у «Зеленого» - золотого полумесяца, стрел и трилистника на зеленом фоне.

В 1621 году в бою при Кроппенхофе (Кропимуйжа) литвины отряда Гонсевского взяли у шведского отряда Коброна пять ротных знамен (хоругвей). Знамя кирасирской лейб-роты короля Густава Адольфа не описано, так как его присвоили жолнежи, известно лишь, что оно было белое, шитое золотом, с королевскими львами. Знамя кирасирской лейб-роты герцога наследника Карла Филиппа по описаниям белое, вышитое золотом, на одной стороне над золотым кораблем латинская надпись: «С попутным ветром приятно плыть просторами морей», на другой стороне символическое изображение святого Духа в виде белого голубя и латинская надпись: «Моя защита под сенью твоих крыл». Прочие знамена, видимо, финских рейтарских рот Йенса Курка, Олафа Дуфва и Отто фон Гротхузена или Эстляндского адельсфана, были такими: одно красное, другое в черно-желтую шаховницу, третье белое с золотым, четвертое такое же с изображением красного сердца. (Еще два штандарта уничтожили герои-корнеты, взорвавшиеся с ними на пороховых палубах.)

В июне 1622 года литовские рейтары полка Розена отбили под Митавой у отряда фельдмаршала Врангеля черное адамасковое знамя кирасирской лейб-роты фельдмаршала с изображением белой пальмы с надписью-девизом по-латыни: «Под ураганом стойкий».

Самый большой урожай трофейных шведских знамен достался полякам при капитуляции отряда немецких наемников шведской короны под командой Штрайффа, Тойффеля и Кеттерица, вышедшего из Германии и окруженного гетманом Конецпольским в городе Хаммерштейн (Чарне) в Королевской Пруссии. Большая часть пехотинцев и кавалеристов поступила на польскую службу и присягнула гетману, пройдя пред ним, преклонив свои знамена (по словам Конецпольского, знаменосцы «от горя и стыда очи слезами заливали») Сотни две рейтар, не пожелавших служить Польше, были отпущены обратно в Померанию с оружием под честное слово не участвовать в войне.

Согласно реляции гетмана королю Сигизмунду, ему досталось тринадцать ротных знамен:

«1. Полковника Иоганна Штрайффа, ротмистра не знаю, - хоругвь адамасковая, белая, по обеим сторонам саламандра в огне, вышита золотой и серебряной нитью, надпись латинская: «Меня питает, других обжигает.»

2. Полковника Кеттерица - хоругвь адамасковая, желтая, на ней вышито золотой и серебряной нитью сердце, с которого растут зеленые стебли руты. С другой стороны дата формирования роты - «1627», и девиз по-немецки: «Сердце без страха». С другой стороны рука латная, держащая меч, вышита серебром, и девиз по-немецки: «Верен до смерти.»

3. Подполковника Калленбаха, - хоругвь адамасковая лазурная, по обеим сторонам образ римского героя Марка Курция, вышитый золотом и серебром. Римлянин сидит на коне, вышитом серебром, держит в правой руке булаву, конь скачет из зеленого поля в огонь. Изречение по-латински: «Для блага республики».

4. Майора Иоганна Гродта, - хоругвь адамасковая лазурная, с образом вышитого золотом Святого Георгия на коне, поражающего дракона. Латинская надпись: «Пока живу, надеюсь.»

5. Майора Иоганна фон Брекфельдта, - хоругвь адамасковая лазурная, серебряный всадник с мечом на золотом коне, на зеленом поле. Дата формирования «1626», девиз по-латыни: «Да процветает крепость Божия, честь и дело рыцарское».

6. Капитана Яна Людвиг Ринге, хоругвь адамасковая лазурная, серебряный журавль с камнем, девиз по-латыни «Бдим!».

7. Капитана Иоганна Декерта, - хоругвь адамасковая лазурная, вышита обнаженная рука с мечом из серебряного облака, немецкая надпись: «Да поможет Господь, а я не оплошаю». В верхнем левом углу буквы G.A.K.J. S. (аббревиатура королевского титула Густава Адольфа), внизу буквы V.S.L.H.P.E.F.P.N.G.D.V.H.A. (аббревиатура имени и титула капитана. Авт.)

8. Капитана Иоганна Бурхардта фон Шенберга, - хоругвь атласная лазурная, вышиты обнаженная рука с мечом из серебряного облака, лев и немецкая надпись «Уповай на бога, а

мой львиный помысел, что тебе счастье большое будет».

9. Капитана Кристофа Ключника, - хоругвь белая, вышит Святой Георгий золотым и черным, на золотом коне, поражающий золотого дракона. Девиз латинский «Пока живу».

10. Капитана Пихта, - хоругвь адамасковая лазурная, золотой лев в золотом венке, с мечом в лапе. Девиз: «Всюду с богом».

11. Капитана Иоганна Кристофа фон Брокдорфа, - хоругвь адамасковая лазурная, на ней золотой крест, девиз по-латыни : «Сим победиши», инициалы капитана и дата формирования «1626», на другой стороне сентенция: «Иисус — спаситель мира, да будет защитой нам.»

12. Капитана Якоб фон Брокдорфа, - хоругвь адамасковая лазурная, сентенция: «С Божьей помощью и благословением победим неприятелей наших».

13. Капитана Мартина фон Анена — хоругвь адамасковая красная, вышит золотой лев в короне, атакующий поляка, в одной руке меч, в другой булава. Сентенция: «Боже, ты друг шведам и померанцам, а всем полякам неприятель.»

На другой стороне образ самого фон Анена на коне, перед ним девица, подающая венец, с изречением : «Зовусь я фон Анен, за славу и честь сражается рука моя». Посреди знамени надпись: «Бог поможет моему знамени, дабы потщился я во славу этой девы».

Военный костюм

К середине 20-х годов XVII века шведская армия, как и прочие армии-участники Тридцатилетней войны, была еще далека от единообразной униформы. Однако именно в этот период в ней появляются некоторые полковые отличия и полковые цвета.

Молодой король-полководец после знакомства с опытом европейских армий осознал необходимость введения единообразного платья разных цветов по полкам. И не только парадной красоты ради (армия — любимая игрушка монархов!), но и для лучшей управляемости и распознаваемости командирами частей на поле боя, сбора солдат в строй, унификации системы снабжения, а также, что немаловажно, улучшения полковой спайки и поднятия воинского духа.

Сразу после возвращения из Германии Густав указал, чтобы платье для солдат новых полков было по возможности одинаковым для каждой роты. По его приказу Смоландскому полку было выделено 100 кафтанов с желтым и синим прибором, Остготскому — 350 с желтым прибором, Уппландскому - 250 с желтым и черным прибором.

В дальнейшем в одежде национальных частей и гвардии преобладал синий цвет с желтым прибором. Драгуны носили красные и коричневые кафтаны, артиллеристы - черные и серые.

В элитных «цветных» немецких полках, - «Желтом», «Красном» и «Синем», завербованных в 1624-1625 годах в Германии и Дании, уже имелись кафтаны (казакины, плащи) одного соответствующего окраса. Также преимущественно одноцветную форму имели наемные кавалерийские полки. Прибывшие из Дании полки рейнграфа Отто Людвиг и фон Хюникена носили голубое.

Британский посол Томас Роу отмечал в 1629 году, что на смотрах полки шведского короля были хорошо одеты в заморские разноцветные сукна, одежда офицеров и солдат выложена золотыми, серебряными и суконными галунами и кантами.

Большинство «земельных» шведских и финских пехотинцев, особенно рекруты, в начале войны были экипированы в свою, взятую из дома крестьянскую одежду, собранную в их «десятках» на т.н. «шереножные деньги» - длинные неприталенные сермяжные бело-серые некрашенные кафтаны, традиционного кроя шляпы и отороченные мехом суконные или вязанные шерстяные шапки. Зачастую комплекты солдатского платья шились тут же при полках. Вообще грубая бело-серая сермяга была признаком простонародья, а в дорогие цветные сукна и ткани, ввозимые из-за границы, одевались только имущие классы.

Эльбингский летописец Израэль Хоппе так описывал вступивших в Пруссию захватчиков: «Пехота — тупые шведские мужики, бедно одетые в свое крестьянское платье, но дисциплинированные и послушные офицерам». Польский летописец епископ Павел

Пясецкий так характеризовал шведских солдат Густава Адольфа: «Это скорее работники, чем воины». Да и комсостав далеко не всегда выглядел, как герои Дюма. Если французские и испанские дворяне одевались в бой, как на бал, бедные и экономные шведы хорошее платье приберегали. Даже во время войны в Германии французский дипломат при королевской ставке Ожье с презрением замечал: «В компании офицеров финской кавалерии я чувствовал себя будто среди конюхов».

Сделав поправку на злопыхательство иностранцев, приведем здесь и высказывание самого короля Густава Адольфа: «Те люди, что сейчас со мной, - на вид всего лишь бедные и плохо одетые крестьяне, но бьются они хорошо, и я надеюсь, что в скором времени и оденутся тоже хорошо. После взятия Фрауэнбурга они получили 500 красных кафтанов...»

Действительно, вещевое снабжение шведской армии с захватом Пруссии кардинально улучшилось – был взят ряд богатых городов с огромными запасами хорошего гданьского сукна, тканей, красителей, всяческих кож и мехов вместе с многочисленными мануфактурами и мастерскими. Более того — в руки шведов попали и склады цветных сукон Английской Восточной торговой компании, имевшей свое главное представительство в приморском портовом Эльбинге.

Если говорить о европейской военной моде того времени, то в 20-е годы носили очень широкие складчатые штаны- «пузыри» до колен с рядом пуговиц по бокам и бантами, приталенные куртки-дублеты из сукна, полотна, шелка, с валиками или крыльцами на плечах, пришитыми короткими косыми полами, иногда без рукавов, которые могли пришиваться и сниматься, быть разрезными, множеством пуговиц, кавалерийские камзолы-ройтроки (по-шведски «ридьяка»), широкополые шляпы с высокой тульей — фетровые, валеные, суконные, кожаные, с плюмажем из перьев — от практически дармовых петушиных до дорогих страусовых.

Складчатая льняная рубаха с широкими у локтя рукавами и тесемками на запястьях и на шее имела широкий или узкий отложной воротник поверх камзола, кафтана, дублета или колета (у имущих офицеров воротник кружевной, чаще голландской или фламандской работы.)

У мушкетеров был популярен казакин, накидка без рукавов, под которым было сподручно прикрывать бандольер и мушкет от дождя. Казакины часто шили из сукна одной расцветки, особенно в «цветных» полках.

Широко были распространены у военных практичные, прочные и непромокаемые штаны, куртки, камзолы и шляпы из кожи – лосиной, козлиной, оленьей, буйволодые и лосиные колеты с рукавами и без (см. многочисленные экранизации и иллюстрации романов Дюма.)

Пехотинцы носили вязаные или тканые чулки «дикого» или разного цвета (тогда популярны были чулки в полоску), кожаные башмаки на шнурках или с пряжками, иногда суконные гетры на пуговицах и ремешках.

Офицеры носили преимущественно шарфы синего или желтого цвета, встречались и другие цвета, поэтому говорить о цвете, присущем шведской армии, нельзя.

Непременным атрибутом оснащения и пехотинца, и кавалериста был скатываемый суконный плащ-епанча темной шерсти (у пехотинцев ниже колен, длиннее, до земли, у кавалеристов, которые помещали скатку за седлом.) Плащ служил в случае надобности палаткой, постелью, скатертью-дастарханом, носилками для раненых, некоторой защитой от рубящих и колющих ударов в бою и, наконец, могильным саваном. Зимой носили плащ, подбитый мехом. В некоторых частях плащи были одноцветными. У конников популярен был свернутый кусок войлока, который хорошо согревал и мог служить постелью на сырой земле и даже на снегу.

Имелись в многонациональной шведской армии и некоторые «этнографические» особенности, - так, в шотландских полках на солдатах и офицерах можно было встретить береты, клетчатые «клановые» шерстяные пледы, тартаны, брюки и даже килты, у лапландцев встречались элементы их экзотического северного костюма.

В боевых действиях в Лифляндии и Пруссии, где иногда бывают поистине русские морозы, шведской армии потребовалось большое количество зимнего обмундирования. Единообразие в нем было еще меньше. Бытовали принесенные в армию рекрутами и прибывшие в виде поставок крестьянские овчинные полушубки, тулупы, одежда и обувь из оленьих шкур, разных фасонов шведские, финские, меховые шубы, лапландские, финские и ливонские зимние меховые и вязаные шапки, а также финская и лапландская зимняя кожаная обувь с загнутыми носами (пъексы), утепляемая сеном, удобная для ходьбы на лыжах. В 1621 году по всей Швеции был произведен сбор зимних вещей для армии, а в Риге закуплена большая партия русских валенок.

Король Густав Адольф постоянно уделял большое внимание зимней экипировке войск, - так, во время боевых действий в Северной Германии в начале 30-х годов по его приказу в войска были поставлены партии меховой одежды из Лапландии, причем доставили их олени упряжки лопарей (саамов), дикого экзотического народа в глазах европейцев.

Заключение

В эпоху Густава Адольфа далеко не он один занимался усовершенствованием военной системы. Однако именно ему, как никому у другому, удалось успешно соединить военную теорию с военной практикой, закрепив ее победами созданной им многочисленной, хорошо вооруженной и вымуштрованной, первой в мире профессиональной армии, которая превзошла очень сильных противников. Причем создать ее удалось в сравнительно бедной ресурсами стране.

Король Швеции обогнал свое время, заложив основы армий будущего. Но последствия этого для Европы были печальны. Каждый великий государь есть бедствие для своего народа, а если он еще и великий полководец — он бедствие и для соседних народов. Вслед за разорением Лифляндии, Пруссии пришел черед Германии и Чехии. Даже смерть Густава Адольфа при Лютцене не остановила кровавые ножи созданной им военной машины. «Шведский потоп» последовательно обрушивался на Данию и Польшу, Литву и Россию, пока не был остановлен плотиной армии Петра при Полтаве.

Источники и литература:

- 1.Ulf Sundberg. Svenska kriget 1521 – 1814. Stockholm (S), 1998.
- 2.Sveriges krig 1611 -1632. Generalstaben. I-IV. S., 1936 – 1939.
- 3.J.Mankell. Striderna vid Mewe jch Gurzno. S., 1879.
- 4 J. Mankell. Svenska regementenas historia. S., 1867.
- 5.A.Fryxell. Gustaf Adolf. S., 1894.
6. A.Korhonen. Sota Livinmaalla 1600-1617. Helsinki 1936.
7. A.Korhonen. Hakkapeliitain historia. Osa I, II. Porvoo – Helsinki, 1939 – 1940.
8. J.O.Hannula. Hakkapeliter jch karoliner.Helsingfors.1941.
- 9.Israel Hoppe. Burggrafen zu Elbing geschichte des ersten polnisch-swedische Kriegen in Preussen nebst Anhang. Leipzig, 1887.

10. Johan Adler Salvius. Brevis relation institutae ac solutae obsidionis Mewensis. Riksarkivet, Oxenstierna saml.
11. Paulus Piasecki. Cronicon gestorum in Europa singularum...Cracoviae 1645.
12. L.Podgorodecki. Rapira I koncerz. Warszawa, 1985.
13. R.Sikora. Woiskowosc polska w dobie woiny polsko-szwedzkiej 1626 – 1629.. Poznan, 2005.
14. J. Teodorczik. Bitwa pod Gniewem - pierwrcza porazka husarii. Warszawa, 1966.
15. E.Kosiarz. Woiny na Baltiku. Warszawa, 1978.

16. E.Kosiorowsky. Skorzaki protiwo okretow. Warszawa, 2004.
17. Forum.historia.org. Welka oboiga narodow. Bitwy i woiny.
18. Skalman forum. Slaget vid Honigfelde.
19. R. Brzezinski. The army of Gustavus Adolphus. 1. Infantry. Osprey pablising Ltd. 1991.
20. R. Brzezinski. The army of Gustavus Adolphus. 2. Kavalry. Artillery. Osprey pablising Ltd. 1993.
21. Дж.Денисон. История конницы, Т.2. Москва, 2001.
22. А.В.Разыграев. Тактика Тридцатилетней войны. Reenaktor.ru
23. А.В.Разыграев. Военный костюм Тридцатилетней войны. Reenaktor.ru
24. С. А. Нефедов. Первые шаги российской модернизации. Реформы XVII века. «Вопросы истории, 2004, N 2
25. Закариас Топелиус. Королевский перстень. Спб, 1999.